

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

Mongolica I.

Об отношении монгольского языка к индо-европейским языкам Средней Азии ¹.

В том большем научном движении последних лет, которое связано с Scindia и Средней Азией вообще, которое объединило за общей работой ориенталистов стольких специальностей: — инданистов, пранистов, синологов, туркологов, исследователей восточного искусства, — монголисты не принимали почти никакого участия, как и раньше во время открытия и разбора орхонских памятников. Монголисты и, можно сказать, самое монголоведение, стояли в стороне от двух, быть может, самых ярких за последние 50 лет движений востоковедной науки, так расширивших и углубивших наши познания Азии. Такая отстраненность монголистов объясняется совсем не тем, что им нечего было делать в общей работе, что предмет исследования монголистов не имеет ничего общего с исследованиями орхонских надписей, а также старых языков Центральной Азии. Наоборот монголисты могли бы многое получить от этих исследований в процессе совместной работы с другими специалистами и могли-бы сами кое-что принести для выяснения тех или других деталей ². И действительно, данными монгольского языка воспользовались некоторые исследователи Средней Азии, но они не были монголистами. F. W. K. Müller на основании монгольских словарей поправляет В. В. Радлова и К. Г. Залемана, хотя с этими учеными русские монголисты постоянно общались и были отчасти их учениками. Даже в тех редких случаях, когда монголисты обращались к разбору матерьялов, привезенных из Восточного Туркестана, как напр. Ramstedt, разобравший монгольские документы, добытые германской экспедицией, всетаки не обхо-

¹ В настоящей статье письменные формы восточных языков транскрибируются при помощи латинского алфавита, а формы живой речи при помощи русской лингвистической азбуки.

² Надо вспомнить здесь превосходную работу Ramstedt'a: *Zwei uigurische runenschriften*, J. S. F. O., XXX; попытка W. Bang'a привлечь для истолкования орхонских надписей манджурский и монгольский матерьял. по общему мнению, была сделана крайне неудачно.

дилось без участия других специалистов, которые могли дать более углубленное объяснение того или другого места, того или другого термина¹.

Такое состояние монголистов, не объясняемое степенью развития монголоведения, не может быть разъяснено только незначительным количеством работников в этой области и малым резонансом их деятельности. Разгадка лежит глубже: в том направлении, которое приняло монголоведение за последние пятьдесят лет.

Большая разница между первыми монголистами: Шмидтом, Шифнером, Банзаровым, Ковалевским, Поповым, Abel-Rémusat и монголистами позднейшими. Иногда эта разница совершенно определенно бросается в глаза, иногда же ее едва возможно уловить, что не лишает ее, порой, особой значительности. В каждой области знания, почему-либо могущей обособиться, кроме особых приемов ей одной только свойственных, большое значение еще имеют некоторые настроения, если можно так выразиться, данной области науки.

Со времени А. М. Позднеева направление монголоведения изменяется довольно сильно по сравнению с недавним прошлым. Оно разрывает связи со смежными областями знания, которые у нее хотя и слабо, но всетаки были завязаны раньше, с тибетоведением, с туркологией. Работа направляется во внутрь. Монголия как-то поворачивается своим новым манджурским чиновничьим ликом, на котором нельзя прочесть ничего другого, ничего о пережитом в ином состоянии, в иное время. И буддийский лик позднеевской Монголии оказался каким-то захолустным и обособленным от всего другого буддийского мира².

В общем надо признать, что этот период монголоведения, несмотря на некоторые положительные приобретения, которые были им сделаны, можно охарактеризовать как период известного регресса этой ветви знания, оказывающим свое роковое влияние и по сей время. Разрыв с тибетоведением, на что было уже обращено внимание, напр., В. Laufer'ом³ особенно дорого обошелся монголоведению.

В начале XX века совершенно определенно наметилось новое направление монголистики, начавшееся независимо от русской науки, где до той поры монголоведение главным образом и развивалось. Русским монголистам пришлось примкнуть к нему, когда оно уже вполне наметилось и определилось: связано оно с именем финляндского ученого G. J. Ramstedt'a.

¹ G. J. Ramstedt, *Mongol. Briefe aus Idikut-Schähri*, S. K. P. A. W., 1909, XXXII, p. 847 — 8.

² Ср. И. П. Минаев, *Анология ламства*, Ж. М. Н. П., ч. CCLVII, июнь 1888, стр. 434—448.

³ T'oung-Pao, 1913, p. 574.

Направление это — чисто-лингвистическое, только с некоторым уклоном в область фольклора. Но и чистые лингвисты бывают очень различных оттенков. Лингвисты—монголисты новой школы оказались представителями того течения, которое, пожалуй, можно назвать диалектологическим, направившего свое главное внимание на исследование современных живых говоров, быденного, небрежного языка, точное знакомство с которым было ее высшим стремлением, осуждавшего несколько возвышенный, как бы «идеальный» язык¹, считая его чем то искусственным. Конечно, лингвисты-монголисты являются при этом историками-компаратистами, вообще в духе направления научной мысли второй половины XIX века, чуждавшимися построения общих теорий языка, строившими свое историко-сравнительное здание не на фундаменте детального историко-филологического и этнолого-лингвистического исследования, а опять же, главным образом, базируясь на явлениях непосредственно изучаемой живой речи. Поэтому то монголисты новой школы не то, чтобы не интересовались, а были построены не интересоваться филологией, лингвистической палеонтологией, общей теорией языка, вопросами взаимодействия монгольского и других языков, раз это выходило за границы вопросов обоснования родства между членами алтайской семьи языков, или даже монгольских говоров.

В противоположность позднеевскому периоду новое монголоведение сделало чрезвычайно много и за короткий срок собрало громадный материал и, если не для других, то для себя. для своих агентов, изучило большинство монгольских наречий, прочно обосновало родство монгольского языка с турецким и, отчасти, с манджуро-тунгузскими наречиями². Новую школу монголистов нельзя, собственно говоря, упрекать ни в чем, она сделала и будет делать то, что падо, без чего невозможно обойтись; новое монголоведение не шло неправильным путем. путь ее верен. Но он недостаточен; перед монголоведением лежат неведомые пространства исследований, где оно должно найти разнообразные и многие пути, из коих некоторые могут вести к ранее уже намеченным целям.

Вот почему монголисты оказались в стороне, когда объясняли орхонские надписи. вот почему их не оказалось в рядах тех, кто направлял свои усилия к разбору многообразного материала, добытого в песках Восточного Туркестана; они отсутствовали, казалось, «законно».

¹ О языковом «идеале» см. Meillet, *Aperçu d'une histoire de la langue grecque*, 2e éd., P. 1920, p. 83.

² К сожалению большая часть работ русских монголистов и примыкающих к ним ученых работников бурят и калмыков остается не напечатанной. В Азиатском Музее хранится громадный рукописный материал, в значительной части вполне подготовленный к печати: «Образцы народной словесности монгольских племен».

Но, конечно, такое положение не может долго продолжаться. Туркология самым своим материалом давно уже была вовлечена в общую работу по исследованию Средней Азии и привлекла к себе многих ученых из других областей. Очевидно, наступает пора и для монголоведения тем более, что оно может выступить достаточно вооруженным и подготовленным. Монголисты прежде всего должны заявить, — именно заявить потому, что до сих пор достижения монголистики остаются для большинства неизвестными по разным обстоятельствам, — что они знают монгольские наречия, старые и новые; знают в общих чертах историю монгольского языка; что в их распоряжении находятся письменные памятники, восходящие к эпохе начала исторических монголов и почти непрерывной нитью тянущиеся до наших дней. Но главное, о чем следует заявить монголистам — следующее: монгольский язык, в общем, является по сравнению с двумя своими родственными языками необычайно архаичным и богатым, и в то же время, благодаря различным историко-социальным условиям, необычайно легким для проникновения в него разных иноязычных элементов. Так называемый же «письменный» язык монголов, отличный от всех известных монгольских наречий, оказывается архаичным курьезно; хотя древнейшие его памятники не восходят ранее XIII века, тем не менее он представляет степень развития языка более древнюю, чем орхонские памятники для языка турецкого.

Уже в работах F. W. K. Müller'a, К. Г. Залемана, R. Gauthiot, Ф. А. Розенберга указывалось несколько согдийских слов, которые, очевидно, через посредство уйгурской письменности проникли к монголам. В недавно вышедшей (в 1919 г.) книге В. Laufer'a: *Sino-Iranica*¹ — уже целая глава посвящена иранским элементам в монгольском языке. Вместе с тем выясняются многие вопросы, связанные с индо-европейским языкознанием Средней Азии. Все это заставляет победить в себе разные сомнения и сделать попытку выяснения отношений монгольского языка не только к турецкому, в частности уйгурскому, но и дальше к другим языкам, повлиявшим на самый уйгурский, сделать попытку разъяснить влияния иранских и других индо-европейских языков средней Азии, хотя бы и не непосредственного, на монгольский языковый мир, выяснить, какие элементы попали к монголам, в их речь и письмо, в какую эпоху из старых очагов культуры Средней Азии?

¹ Field Museum of Natural History, publication 201, *Antropologic. S.*, v. XV, № 3; *Sino-Iranica*, Chinese Contributions to the History of Civilization in Anc. Iran, With Special Reference to the History of Cultivated Plants and Products, The Blackstone Expedition.

Вопросы взаимных языковых отношений, заимствований одного языка из другого интересны не только с одной лингвистической точки зрения. Они любопытны во многих и многих отношениях: слова заимствуются народами друг у друга всегда вместе с идеями или материальными предметами, которые они обозначают; изучая заимствования, мы изучаем передвижение идей и вещей. Но поэтому особенно важно обосновывать заимствования одного языка из другого твердыми историческими и лингвистическими данными; в языковедении известна не одна только «вульгарная психология», достаточно применима и «вульгарная этимология».

Монголы не могли вступать в непосредственное сношение с народами, говорившими на старых индо-европейских языках Средней Азии, потому что языки эти угасли к эпохе появления монголов на историческом поприще; монголам пришлось столкнуться только с позднейшим иранским языком, занесенным в Среднюю Азию: с персидским, с ново-персидским. Но такое положение не мешает монголам иметь отношение и к древним индо-европейским средне-азиатским языкам и заимствовать из них благодаря тому, что они, монголы, подверглись большому культурному влиянию уйгуров, благодаря проникновению к монголам уйгурской письменности. Уйгуры же, как и некоторые другие турки, находились в непосредственных сношениях с народами, говорившими и писавшими на старых индо-европейских средне-азиатских языках и находились под большим их влиянием. Все это давно уже стало известно и в настоящее время, когда языки Центральной Азии, арийские и другие, индо-европейской семьи, воскресли в горне европейской науки к новой жизни, можно уже говорить о размерах и деталях этого влияния индо-европейских языков на уйгурский и турецкий языковый мир вообще и через него на монгольский.

В настоящее время благодаря исследованиям целого ряда ученых разных специальностей достаточно ясно представляется, какие языки индо-европейской семьи жили в течении первого тысячелетия нашей эры в Средней Азии. Среди них первое место занимают языки иранские: согдийский и язык, так называемый П-й, который теперь все чаще и чаще называют восточно-иранским или хотанским. Кроме того в Средней Азии имел известное распространение, хотя бы в качестве языка письменности, пехлеви—средне-персидский. Если язык хотанский был распространен только в Хотанском оазисе и, быть может в других ближайших оазисах Восточного Туркестана¹, то на гораздо более широком пространстве распространен был в Средней Азии другой иранский язык: согдийский. Язык этот употреблялся

¹ Язык П-й был, повидимому, языком кушанов и был занесен последними в Индию, Ср. V. Smith. The Oxford History of India, 1919, p. 130, 137.

не только в Согдиане; согдийские колонии проникают в бассейн Тарима и в Китай, согдийская надпись оказывается в Монголии наравне с орхонскими, согдийские документы обнаруживаются в развалинах великой китайской стены; в известную пору согдийский язык делается «*lingua franca*» Центральной Азии¹.

Не иранским индо-европейским языком Средней Азии является язык, который начали было называть тохарским, наименовав его предварительно языком I-м, но затем название это стало употребляться все реже и теперь язык этот называют, находя в нем два совершенно различные наречия, кучарско-карашарским.

Какие собственно народы говорили на языке хотанском, а также на кучарско-карашарском, мы не знаем и последние исследования в этой области, нам доступные, не только не проясняют мрака, висящего над этим вопросом, но еще более сгущают его². Быть может это происходит потому, что за решение этого вопроса берутся главным образом филологи, а не специалисты-историки. Но как-бы то ни было, совершенно определенно известно, что уйгуры переводили с одного языка, I-го или II-го, хотанского или кучарско-карашарского, буддийские произведения и заимствовали из этого языка, который они называли языком *toχrī*, т. е. тохарским; по монгольски *toγar* < тиб. *tho-gar ~ tho-dkar*³ (см. напр. монгл. Парижский Ганджур, Дулба IV, f. 108: *toγar ulus-un jaγun ükin* «сто девиц страны тохарской»). Любопытно отметить, что современные монголы тиб. *thogar* передают уже через *χotong* «хотонец, туркестанец, уроженец Восточного Туркестана», (см. напр. *Tāranātha*, Жизнь Будды, монгольск. перевод, бурятск. *хул.*, f. 88: *χotong oγun-u jaγun ükin-nügüd* «сто девиц хотонской, туркестанской страны = тохарской»)⁴. Теперь спор идет уже не о народе, а о языке. К какому языку надо отнести уйгурское (и тибетско-монгольское быть может) название *toχrī*; иначе: с какого языка уйгуры делали переводы буддийских текстов и оставили об этом пометку в сделавшемся знаменитом калофоне *Maitrisamit*, с хотанского, или с кучарско-карашарского?

¹ См. P. Pelliot, *Les influences iraniennes en Asie Centrale et en Extrême-Orient*, Paris, 1911. R. Gauthiot, *Essai de grammaire sogdienne* (Première partie), Introduction, Paris 1914—1923, *Mission Pelliot en Asie Centrale*.

² Это хорошо видно по статьям, принадлежащим выдающимся ориенталистам, в сборнике в честь Hirth'a, появившемся в 1920 г.

³ Форма эта является тибетской этимологизацией: «белая голова». Обычная манера тибетцев переводить или этимологизировать собственные имена и названия.

⁴ Тибетский автор приводит цитату из Ганджура, приведенную нами выше (из соответствующего места монгольского Ганджура). V. Smith, как известно, присоединился ко взгляду Сталля-Гольштейна по вопросу о языке «кушанов»; Sieg и Müller по прежнему язык кучарско-карашарский называют «тохарским». Можно надеяться на то, что восторжествует теория Сталля.

F.W.K. Müller и Sieg по прежнему хотят видеть в языке кучарско-карашарском подлинник уйгурского перевода. Но это встречает возражения Sten Konow¹, который удачно указывает, что ряд уйгурских слов, относимых вышеупомянутыми немецкими исследователями к «тохарским», т. е. к кучарско-карашарским заимствованиям, на самом деле оказываются заимствованиями хотанскими¹. Повидимому вопрос этот в настоящее время, при наличии наших материалов решен еще быть не может, т. е. вопрос, с какого языка уйгуры перевели Mairtrisamit? Очевидно, необходимо в данном случае настаивать на различении и расчленении вопроса. Ведь, действительно: очень важно установить, с какого именно языка перевели уйгуры тот или другой текст; но с установлением этого совсем не исключается возможность постановки вопроса о том, не переводили-ли уйгуры, хотя в настоящий момент у нас и нет прямых письменных указаний, других текстов с другого языка Восточного Туркестана, а главное, не производили-ли они заимствований не только из одного, но и из другого соседнего индо-европейского средне-азиатского языка? Не надо забывать, что культура уйгуров шла из разных источников. Уйгуры, хотя и переводили с хотан. и кучар., тем не менее пользовались согдийским алфавитом и производили заимствования из согдийского языка.

Разные исследователи: F.W.K. Müller, S. Lévi, E. Leumann, Staël-Holstein, Sten Konow² указали уже на несколько слов в уйгурском языке, как на заимствованные из индо-европейских языков Центральной Азии; при чем указывался, как источник заимствования не только кучарско-карашарский, но и хотанский. Несколько примеров могут показать, как надо быть осторожным при рассмотрении подобных вопросов и как надо остерегаться преждевременных решений.

В 1911 г. S. Lévi писал³, что кучарское слово *ṣamāne*, = по значению скр. *bhikṣu* и этимологически = скр. *grāmaṇa*, > *Σαμαναίσι* Александра Полистора, было заимствовано согдийцами в форме *šmn* **šaman*. S. Lévi прибавляет, что в восточно-иранском, т. е. хотанском, встречается

¹ См. Sten Konow, Beitrag zur Kenntnis der Indoskythen, Festschrift für Hirth, статьи же Müller'a и Sieg'a: Mairtrisamit und «Tocharisch» осталось для меня недоступной.

² См. S. Lévi, Le «Tokharien B» langue de Koutcha, J. A. XI, 1913, p. 320 (ср. этимологии Grierson'a: J. A. X, 1912, p. 342); Leumann, Zur nordarischen Sprache und Literatur, p. 35, 89, 141; Sten Konow, Beitrag zur Kenntnis der Indoskythen, Festschrift für Hirth, p. 234—235; Staël-Holstein, Bemerkungen zu den Brāhmiglossen des Tisāstuvistik-Manuscripts, Biblioth. Buddh., XII; его же: Сюань-Дзан и результаты современных археологических исследований, «Записки», т. XX, стр. 019; его же Tocharisch und die Sprache II, ИРАН, 1908, p. 1371; F.W.K. Müller, Beitrag zur genaueren Bestimmung der unbekannten Sprachen Mittelasiens, S.K.P.A.W., 1907, p. 958 ss.: F.W.K. Müller und E. Sieg, Mairtrisamit und «Tocharisch», S.B.A.W., 1916 (видеть еще не успел).

³ J. A. t 17, 1911, p. 445-6.

соответственно совершенно другое слово: āsirī. Но прошло совсем немного времени,—уже в 1912 г. E. Leumann издал хотанский текст, где слово это встретилось¹,—и выяснилось, что в хотанском языке не только попадаетея слово, соответствующее скр. *ṣṛama* и кучар. *ṣamāne*, а именно *ṣamāna*, но что в хотанском совершенно закономерно скр. *ṣr* > хотан. *ṣ*², чего нельзя сказать о языке кучарском. Кроме того до сих пор не удалось, насколько мне известно, установить кучарско-карашарские заимствования в согдийском; хотанские же обнаружены, напр.: согд. *ḍykh* **lekha* < хотан. *lekha* «буква», как это указал R. Gauthiot³.

Другой пример: турецко-монгольское слово *tümen* «10.000». S. Lévi и Meillet склонны видеть в нем кучарско-карашарское заимствование: кучарское *tumane*, *tmāne*, карашарское *tmām*⁴; B. Laufer считает это слово индо-европейского происхождения, но попавшим к турко-монголам через посредство персидского⁵. Но вот в недавнем своем докладе в заседании Восточного Отделения А. Общ. Н. Я. Марр указал на возможность иного яфетидологического объяснения этого слова. Вопрос о кучарско-карашарском происхождении турк.-монг. *tümen* таким образом никак не может считаться решенным.

Впрочем в выше-приведенных примерах исследователями не указывалось лингвистической необходимости признания той или другой уйгурской этимологии.

Можно указать еще несколько слов из индо-европейских языков Восточного Туркестана, созвучных турецким и монгольским, но индо-европейское происхождение которых в алтайских языках доказать пока невозможно. Возьмем, например, хотанское слово *rīdā* «писать» и производное от него: *rīdākā* «письмо, документ». Как хорошо, казалось-бы, признать в этих словах прототип старо-турк. *bitig* < v. *biti*-, и монгольские формы несколько не противоречат: монг. *biči*-, *bičig* восходят, ведь, к **biti*-, **bitig*. И общие рассуждения, казалось-бы, говорят в пользу этой этимологии: какое же слово не позаимствовать варварским туркам от своих культурных соседей, как не то, которое обозначает письмо? Но для настоящего доказательства этой гипотезы надо объяснить, почему хотан. *ḍ* > турк.-монг. *t*; каким образом хотан. *i* и *ä* (= *i*) > турк.-монг. *i*? Но самым главным аргументом против признания обязательности этой этимологии будет следующее: нам известно, что в ряде языков существуют слова, обозначающие «письмо»,

¹ Leumann, *Zur nordarischen Sprache und Lit.*, p. 137.

² См. Sten Konow, *Khotan Studies*, J. R. A. S., 47, 1914, p. 353.

³ *Essai de grammaire sogdienne*, p. 13; J. R. A. S. 1912, p. 352—3.

⁴ M.S.L., v. XVII, 1912, p. 281—294; J. A. XI, 2, p. 380.

⁵ T'oung Pao, XVI, 1915, p. 276.

которые восходят в конце концов к китайской форме pit: манджр. bitxe, мадьяр. betű, самоед. фаду, тиб. bir etc¹. Более основательной, повидимому, является следующая этимология: хотан. taṃka² «мелкая монета» > турк.-монг. tengge, теңке, теңгё.

Гораздо важнее для нас следующее: еще Сталь-Гольстейн указал³, на чем впоследствии особенно настаивал Sten Konow⁴, что в хотанском языке часто старо иранскому «соответствует звук, который графически изображался через й, но который очень приближался к i. Было отмечено также, что в словах, заимствованных с санскритского, повторяется тоже явление: скр. а, в особенности на конце слов, = хотан. й. Сталем, как и Sten Konow'ым впоследствии, было указано также, что этою особенностью можно объяснить многочисленные уйгурские формы, имеющие i там, где соответствующие санскритские слова содержат а⁵. Большинство этих слов — собственные имена буддийского Писания. Монгольский язык, монгольская письменность заимствовали интегрально все эти хотанско-уйгурские формы и сохранили их в неизменном виде до наших дней; благодаря монгольскому языку мы можем знать гораздо большее количество подобных же примеров, потому что число известных уйгурских текстов не так уж значительно. Монгольский язык кроме собственных имен сохранил и другие слова санскритского происхождения из области буддийской терминологии, которые он конечно почерпнул из уйгурской письменности, в которых наблюдаются эти хотан. i = скр. а; например: budgali < хотан. pudgalā (уйг. промежуточная форма еще не отмечена) < скр. pudgala «особь, особа, индивидуум». Монгольский язык является, таким образом, верным хранителем старых хотанских буддийских терминов и в будущем, когда монгольская буддийская литература будет изучена лучше, можно ожидать, что монгольский язык окажет помощь при истолковании хотанских терминов.

К примерам, приведенным вышеупомянутыми исследователями, можно прибавить еще следующее: хотан. vīnai, куча. winai > уйг., монг. vīnai = скр. vīṇaya; скр. śāṇa > хотан. śāṣam > монг. *šašan > šašin; куча. kerčue > монг. qarši «дворец»; (возможно, что и монг. ger «дом, юрта»

¹ Ср. Рамстедт, Сравнит. фонетика монг.-письм. и халх.-ург., стр. 11.

² Ср. Hovson-Jobson, 1903 new edition, p. 896—897. Можно думать, что слово это было занесено в Индию кушанами.

³ См. его Bemerkungen zu den Brāhmiglossen des Tīśastvustik-Manuscripts, и особенно его Tocharisch und die Sprache II, ИРАН, 1908, p. 1367.

⁴ Sten Konow, The Vajracchedikā in the old Khotanese version of E. T., Introduction, Ms. Remains of Buddhist literature found in E. T., edited in conjunction with other scholars by R. Hoernle, 1916, v. I, p. 221.

⁵ Sten Konow, Beitrag zur Kenntnis der Indoskythen, Festschrift für F. Hirth, 1919, p. 234—235.

принадлежит к индо-европейским заимствованиям: скр. *grhāh*, гот. *gards*, стар.-англ. *geard*, стар.-слав. *gradŭ*, куча. *kerçue*, балт. *ghar*, пендж. *ghar*, кашмир. *gar*, цыган. *k'er*; ср. тиб. *gur*)¹.

Нельзя пройти молчанием одного обстоятельства. Хотанские формы с *i* = скр. *a* проникли к монголам не только через посредство уйгурской письменности, но и через посредство Тибета. В этом не может быть ничего удивительного: в настоящее время хорошо известно, какая связь была одно время у Тибета с Хотаном, известно, что Тибет получил многое из области культуры именно оттуда. Раздаются голоса даже, напр. Ноернле² и А. Н. Франске³, о том, что Тибет позаимствовал свое письмо из Хотана. Как бы то ни было, в тибетской письменности встречается ряд слов санскритского происхождения в хотанской форме на *i* = скр. *a*; слова эти и были затем занесены в Монголию, что можно подтвердить документально⁴.

Санскритские слова, значит, попали к монголам, в монгольскую письменность в хотанской форме двумя путями: через уйгурскую письменность и через Тибет: не исключена, впрочем возможность занесения хотанских форм в уйгурскую письменность через посредство Тибета. Нам, ведь, известно, что уйгуры переводили буддийские произведения с тибетского языка, уйгурские и тибетские буддийские монахи в монгольскую эпоху встречались за общей литературной работой; ново-уйгуры (сары жукур) кончили тем, что оставили свою родную уйгурскую письменность и стали пользоваться тибетской. Затем некоторое количество Восточно-Туркестанских слов попало к монголам через китайское посредство; например: куча. *ṣamir* (= скр. *śāmaṇera*) > кит. 沙彌 *ша-ми* > монг. **šami* > *šabi* (ср. дэрб.-Кобд. шемнр || *šāwīnr*); слово это встречается и в уйгурском, во всяком случае в ново-уйгурском (см. предисловие С. Е. Малова к изданию уйг. версии *Suvarṇaprabhāsa*, стр. VI: *sabi*; наверное, надо поправить: *šabi*)⁴.

Однако приходится усиленно настаивать на том, что далеко не все уйгурские и монгольские слова санскритского происхождения с *i* = арийск. *a* восходят к хотанским формам; как будет видно из дальнейшего, многие из них объясняются совершенно по другому. Не нужно поэтому много говорить о том, с какой осторожностью следует относиться к «хотанским» формам в уйгурской и монгольской письменности.

¹ Должен оговориться, что считаю последние две этимологии сомнительными.

² См. Ноернле, *MS Remains found in E. Turkestan*, 1916, p. XVII ss.; Н. Франске, *Epig. Ind.*, XI, 266 ss.; возражений В. Лауфера (J. A. O. S. 1918) видеть не пришлось.

³ Должен отметить, что для меня осталась недоступной статья В. Лауфера в *T'oung Pao*; *Loan-words in Tibetain*, 1916, pp. 403—552.

⁴ О влиянии кучарского языка на китайский см. S. Lévi, *Le «Tokharien B», langue de Koutcha*, J. A. 1913, XI, 2, p. 379.

Таким образом пока, впредь до накопления дальнейшего материала, можно установить, что известное количество заимствований, главным образом из области буддийской терминологии, из индо-европейских языков Восточного Туркестана, хотанского и кучарско-карашарского, обнаруживается в уйгурском и через его посредство в монгольском при чем, как это показывал еще в 1910 г. Сталь-Гольштейн, большинство этих заимствований падает не на кучарско-карашарский, а на хотанский. — «Можно надеяться, — писал Сталь-Гольштейн¹, — что дальнейшее изучение языка II, то есть литературного языка Хотана, будет способствовать разъяснению многих слов, которые встречаются в уйгурских и монгольских переводах буддийских сочинений и происхождение которых пока еще не удалось установить». Повидимому, эта надежда Сталь-Гольштейна не оправдывается. Оказывается другому языку и другой письменности было суждено повлиять на уйгурский и монгольский языки в гораздо большей степени.

Этот другой язык — язык согдийский, который теперь благодаря работам R. Gauthiot, E. W. K. Müller'a, Andreas'a, К. Г. Залемана и Ф. А. Розенберга выяснился для нас с достаточной ясностью. Согдийскому языку, совершенно забытому, название которого даже померкло, теперь чудесно воскрешенному в кабинетах европейских ученых, пришлось сыграть большую культурную роль по отношению турецких и монгольских племен. И в то время, когда в Европе шла трудная работа по восстановлению этого иранского языка, по разбору текстов, написанных на этом языке, дошедших до нас от разных эпох, в монгольских юртах, в повседневной жизни постоянно звучали сохранившиеся через много столетий слова этого согдийского языка, переписывались книги, где в неизменном виде берегались согдийские формы.

В настоящее время после работ R. Gauthiot² не может быть никаких сомнений относительно происхождения, развития и распространения среди уйгуров и монголов согдийского алфавита. Но подобно тому, как особенности уйгурской орфографии, как это установил Gauthiot, объясняются из согдийского, совершенно также и особенности монгольской орфографии, различные этапы развития монгольского письма и даже образование ойратского, калмыцкого алфавита объясняются письмом согдийским; знание одной уйгурской письменности при этом недостаточно, для полного понимания монгольского письма необходимо восходить к согдийскому. Монголы заимствовали также от согдийцев через посредство уйгуров согдийскую систему

¹ Сюань-Дзан и результаты современных археолог. изысканий, «Записки», т. XX, стр. 019.

² См. *Essai de grammaire sogdienne*, p. 4, 1—11.

транскрипции иноязычных слов, в частности санскритских и прākритских: система эта с очень небольшими изменениями долго имела силу в монгольской письменности и применяется порой и до сих пор, потому что новая система — алфавит, так называемый галиг, не мог ее вытеснить окончательно¹.

Так как среди уйгуров были распространены манихейство, христианство и буддизм, то в уйгурском мы находим согдийские заимствования манихейского, христианского и буддийского происхождения. Это приходится отметить особо, потому что согдийские христианские и манихейские тексты отличаются от согдийских буддийских не только по алфавиту, но по языку, причем, как это было вполне убедительно показано Gauthiot, согдийские буддийские тексты являются, как с точки зрения письма и орфографии, так и с точки зрения языка наиболее древними и последовательными. Монголы сохранили согдийские элементы, главным образом, буддийского происхождения, хотя нельзя отрицать некоторого проникновения к ним согдийских слов, христианских и манихейских.

Несколько заимствованных турками-уйгурами, т. е. пользовавшимися «уйгурской» письменностью, согдийских слов было уже указано F. W. K. Müller'ом², K. Г. Залеманом³ и R. Gauthiot⁴; большинство этих слов, если не все, попали далее и к монголам. Обратимся же теперь к этим согдийским заимствованиям в монгольском, до сих пор еще не отмеченным, хотя, нужно прибавить, еще в 1908 и 1913 г. K. Г. Залеман и F. W. K. Müller отметили, что многие согдийские буддийские термины обнаруживаются в монгольском⁵. Действительно, анализ монгольской буддийской терминологии показывает, что большинство этих терминов согдийского происхождения.

Монголы также, как и уйгуры сохранили в своей письменности согдийские слова почти без всякого изменения: согдийцы читали свои письма по своему, монголы и уйгуры те же согдийские слова по своему. Главная разница заключается в том, что уйгуры и монголы согласно своей системе приспособления семитического согдийского алфавита, который, собственно говоря, не обозначает гласных, согдийское uod (y) стали читать всегда, как i, согд. waw(w), как о и u, а согд. āleph(') как а и е; затем не надо забывать, что согд. β и уйг., монг. v, согд. p и уйг., монг. p, b, согд. δ и уйг., монг. d — одни и те же буквы. В известных случаях можно отметить,

¹ Подробно коснуться вопросов о происхождении монгольского алфавита от согдийского и дальнейшем его развитии я предполагаю в особой статье. Уже теперь несомненно, что взгляды Г. И. Рамстедта, высказанные им в его работе «Сравнит. фонетика монг.-письм. и халх.-Ург.» оказываются устаревшими.

² Uigurica I, p. 47; Uigurische Glossen, Festschrift für F. Hirt, p. 313—314, 319—321.

³ Manichaica V, p. 1131.

⁴ Essai de grammaire sogdienne, p. 112.

⁵ Manichaica V, p. 1131; Uigurica I, p. 47.

в противоположность мнению, высказанному R. Gauthiot, что согд. *waw* > уйг. и монг. *v*; примеры: согд. *nyṣṣ'n* > монг. *nirvan*, согд. *ḍywd't* **ḍēw'dāt* > монг. *divdat* (скр. *Devadatta*), согд. *t'ny* (<скр. *dhāraṇī*) > монг. *tarni*. Последний пример наглядно показывает, как верно и точно монгольская письменность и монгольский живой современный язык, в котором это слово *tarni* > тарнi общеизвестно, сохраняют согдийскую традицию. По правилам своей фонетики монголы могли бы совершенно свободно принять санскритскую форму *dhāraṇī*, несколько изменив, быть может, последний слог, но тем не менее они остались верны старому согдийскому слову, которое имеет начальный глухой, потому что в согдийском скр. *dh* = согд. *t* совершенно последовательно в словах санскритского и прākритского происхождения¹.

Но очень часто уйгуры и в особенности монголы производили огласовку принятых ими согдийских слов, напр.: согд. *pr'mn* ~ *pr'm'n* «брахман» > уйг. *bramṇ*, *braman* > монг. *bigaman*, *bigman*; согд. *sm'yt* «Сумеру (гора)» > уйг., монг. *sumir*. В согдийском языке, как и в других иранских языках, начальные краткие гласные, протетические, или этимологические, имели стремление к уничтожению: в согдийских текстах даже с традиционной орфографией встречается много дублетов с гласным и без гласного; в живом же языке на место исчезнувшего гласного оказывался очень краткий гласный элемент между двумя согласными, напр.: **ḥi wān* «жизнь» > **ḥ wān* > **z w'n* **ḥ wān* > **z' wān*². Всегда надо также иметь в виду непрочность неударных гласных в согдийском языке. Уйгуры, а затем и монголы, хотя, в общем, и брали согдийские слова в том виде, в каком они являлись в согдийской письменности, но тем не менее они, ведь, не только писали, но и читали эти занесенные к ним слова, произносили их в живой речи и потому должны были так или иначе следовать какой-нибудь системе чтения доставшихся им согдийских слов и даже целых согдийских текстов, например транскрибированных по согдийски *dhāraṇī*; к этому же вело их признание согдийских *yod*, *waw* и *ālerh* за гласные. И вот мы видим, что уйгуры и монголы часто в своих огласовках заимствованных ими согдийских слов следуют согдийской традиции, т. е. стараются при помощи своих алфавитов, того-же согдийского происхождения, представить согдийские слова в том виде, в каком они произносились согдийцами, или читались; например: согд. *m'g'c* **maḥāgāc** > уйг. *mḡagač*, *mḡagač* > монг. *mḡagača*, *maḡagača* «*maḥāgāja*». Конечное *a* в монг. *mḡagača*, *maḡagača* появляется, очевидно, не под влиянием краткого согдийского *a*, но по требованию монгольской фонетической

¹ Gauthiot, J. R. A. S., 1912. 2, p. 633, Fragment final de la Nilakanthadharani.

² Gauthiot, Essai de gram. sogd., p. 40.

системы, не терпящей $\dot{\epsilon}$ и $\dot{j}$ на конце слова: подобным же образом старотурецкое $qilin\dot{c}$ > монг. $qilin\dot{c}$ > $kilin\dot{c}$. Слово $maqa\dot{c}$, как собственное имя, встречается уже в орхонских памятниках и там, очевидно, являясь согдийским заимствованием¹. В орхонских памятниках мы встречаемся еще с одним словом согдийского происхождения, попавшим и к монголам. Слово это — $\dot{\epsilon}intan$ * $\dot{\epsilon}indan$ «санда», которое не может быть объяснено из китайского². В согдийской письменности слово это является в форме $\dot{\epsilon}ntn$ < скр. $\dot{\epsilon}andana$. В согдийском же языке, как известно, звонкий взрывной зубной встречался только после z и n и обозначался через t , например: $\beta nt\dot{k}$ * $\beta andak$ «раб», ср. перс. $banda$ ³; таким же образом: скр. $\dot{a}nanda$ > согд. '' $n't$ '' * $\dot{a}nanda$ > монг. $ananda$. Орхонские турки, приняв ту же систему письма, что и согдийцы, стали писать $\dot{\epsilon}intan$, употребляя сложный знак nt для обозначения nd .

Как в уйгурском, так и в монгольском интересующее сейчас нас слово встречается в формах: $\dot{\epsilon}indan$, $\dot{\epsilon}indan$. Теперь возникает вопрос, откуда же эти $\dot{i}$, $\dot{i}$ в первом слове тогда, как санскритская праформа⁴: $\dot{\epsilon}andana$; ср. перс. $\dot{\epsilon}and\dot{a}n$, $\dot{\epsilon}andal$, армян. $\dot{\epsilon}andau$, араб. $\dot{\varsigma}andal$? Мы не знаем точно, как произносили согдийцы $\dot{\epsilon}ntn$, но на основании турецкой и монгольской формы имеем основание думать, что это заимствованное из санскритского слово настолько вошло в употребление в согдийском языке, что его стали произносить на согдийский лад с беглым, очень кратким гласным, который в виду сильно палатализирующего влияния $\dot{\epsilon}$ имел тенденцию приближаться к $\dot{i}$, в каком виде он и был воспринят турками и монголами, ср. согд. $\dot{\epsilon}r'\dot{y}$ * $\dot{\epsilon}ir\dot{a}y$ ⁵.

То, что было сейчас сказано относительно скр. $\dot{\epsilon}andana$ > согд. $\dot{\epsilon}ntn$ > уйг. $\dot{\epsilon}indan$, монг. $\dot{\epsilon}indan$, может объяснить еще некоторые явления согдийского и монгольского языка. В согдийском старший аффрикат $\dot{j}$ сохранился только в редких случаях, а именно после n , обозначался же он через $\dot{\epsilon}$, нередко через $\dot{z}$; в виду этого в заимствованных словах в согдийском скр. $\dot{j}$ дает согд. $\dot{\epsilon}$ ⁶. Большое количество этих заимствований с $\dot{\epsilon}$ = скр. $\dot{j}$ перешло в уйгурский, который тоже не знал фонемы $\dot{j}$, а также и в монгольский, который, наоборот, обладал и обладает часто встречающейся фонемой $\dot{j}$, наблюдаемой в самых различных положениях. И тем не менее монголы верно

¹ V. Thomsen (см. *Turcica*, M. S. F. O. XXXVII, p. 14) неопределенно указывает на индийское происхождение этого слова («*Mahārāj*»?).

² См. V. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 42, 185.

³ См. Gauthiot, *Essai de gram. sogd.*, 139.

⁴ Ср. B. Laufer, *Sino-Iranica*, 1919, p. 459.

⁵ Ср. Gauthiot, *Essai de gram. sogd.*, p. 86; ср. P. Pelliot, *T'oung Pao*, XV, p. 248.

⁶ Ср. Gauthiot, *Essai de gram. sogd.*, p. 156.

сохранили дошедшие до них согдийские формы с $\dot{\text{c}}$ = скр. $\dot{\text{j}}$. Впоследствии у монголов появились те же санскритские заимствования, но пришедшие к ним через Тибет, где интересующая нас сейчас фонема трактуется по другому.

В словах, попавших к монголам через тибетское посредство, скр. $\dot{\text{j}}$ передается монг. $\dot{\text{j}} \sim \text{j} > \text{з} < \text{тиб. } \text{j} (\text{dz})^1$, каким образом тибетцы всегда транскрибировали скр. $\dot{\text{j}}$, усвоив непальское чтение санскритских текстов: например: монг. $\text{rā} \dot{\text{j}} \text{ag} \dot{\text{r}} \dot{\text{i}} \chi \text{a} < \text{скр. } \text{rā} \dot{\text{j}} \text{ag} \dot{\text{r}} \dot{\text{i}} \text{ha} \parallel \text{монг. } \text{ra} \dot{\text{c}} \text{a} \text{k} \dot{\text{r}} \dot{\text{y}} < \text{уйг. } \text{ra} \dot{\text{c}} \text{a} \text{k} \dot{\text{r}} \dot{\text{y}}^2$ монг. $\dot{\text{j}} \text{ati} \sim \text{jati}$, балт., дэрб.-Кобд. $\text{zā} \dot{\text{t}} \dot{\text{i}}$, дэрб.-Астр. $\text{zā} \dot{\text{t}} \dot{\text{i}} < \text{тиб. } \text{jā} \text{-tī} (\text{zā} \dot{\text{t}} \dot{\text{i}}) < \text{скр. } \dot{\text{jā}} \text{tī}$ «мускатный орех»: монг.-писм. $\text{rā} \dot{\text{j}} \text{a} \sim \text{rā} \text{j} \text{a}$ (что монголы, по большей части, читают неправильно: $\text{ra} \text{z} \dot{\text{a}}$, читая знаки " (aa), т.-е. $\dot{\text{a}}$, за $\text{a} + \text{п}$, как это обычно в монг. письменности) $< \text{тиб. } \text{rā} \text{-ja} (\text{rā} \text{za}) < \text{скр. } \text{rā} \dot{\text{j}} \text{a}$. То же самое, т. е. тиб. $\text{j} (\text{з}) = \text{скр. } \dot{\text{j}} (\text{q})$, мы наблюдаем не только в тибетской транскрипции санскритских текстов, но и в санскритских заимствованиях, например: тиб. $\dot{\text{j}} \text{ab} < \text{ja} \text{-ra} < \text{скр. } \dot{\text{j}} \text{ara}$ «mantra, волшебная формула». С другой стороны тибетцы в редких случаях заимствования с монгольского монг. $\dot{\text{j}} > \text{з}$, з передают через j , например; тиб. $\text{ja} \text{-sags} < \text{монг.-писм. } \text{jasa} \dot{\text{y}}$, халх. $\text{zasā} \text{k}$, балт. $\text{zas}^{\text{a}} \text{k}$ «правитель, князь, префект, начальник округа». Благодаря тому, что монголы для передачи скр. $\dot{\text{j}} > \text{тиб. } \text{j} (\text{з})$ пользуются то знаком $\text{j} > \text{з}$, з особой азбукой, употребляемой для транскрипции иностранных слов, то соответствующим знаком своего обычного алфавита $\text{j} > \text{з}$, з, получается впечатление будто монголы восстанавливают правильную транскрипцию скр. $\dot{\text{j}}$, тогда как это происходит случайно, потому что на монгольской почве $\text{j} > \text{з}$, з = $\dot{\text{j}} > \text{з}$, з.

Между тем, в словах, заимствованных монголами из санскрита через посредство уйгурской письменности в свою очередь получившей это санскритское наследие от согдийцев, скр. $\dot{\text{j}} > \text{согд. } \dot{\text{c}} > \text{монг. } \dot{\text{c}}$. Например: скр. $\text{va} \dot{\text{j}} \text{ga} > \text{согд. } \beta \dot{\text{c}} \dot{\text{g}} > \text{уйг. } \text{v} \dot{\text{c}} \dot{\text{g}}^3 > \text{монг. } \text{v} \dot{\text{c}} \dot{\text{g}} (> \text{va} \dot{\text{c}} \dot{\text{g}}, \text{o} \dot{\text{c}} \dot{\text{g}}, \text{халх. } \text{o} \dot{\text{c}} \dot{\text{r}}) \parallel \text{скр. } \text{va} \dot{\text{j}} \text{ga} > \text{тиб. } \text{ba} \text{-ja} \dot{\text{g}} > \text{монг. } \text{ba} \dot{\text{j}} \text{a} \dot{\text{g}}, \text{ba} \dot{\text{j}} \text{a} \dot{\text{g}} > \text{халх., балт. } \text{bā} \dot{\text{z}} \text{a} \dot{\text{r}}$. Можно думать, что огласовку через $\dot{\text{i}}$ согдийской формы $\beta \dot{\text{c}} \dot{\text{g}}$, наблюдаемую в уйгурском и монгольском, следует объяснять опять таки через согдийское произношение, в котором, вероятнее всего, утвердилось чтение $\beta \dot{\text{c}} \dot{\text{g}}$ как $* \beta \text{a} \dot{\text{c}} \dot{\text{g}}$, в виду краткости вставного гласного, зависящего кроме того от палатализирующего влияния аффриката $\dot{\text{c}}$.

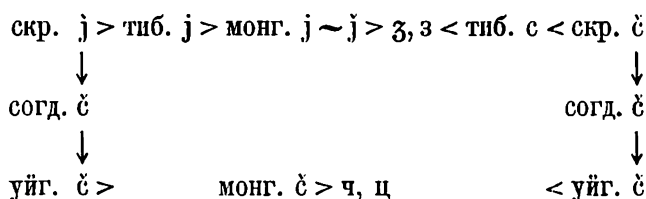
¹ Знаки тибетской письменности транскрибируются мною по системе, предложенной P. Pelliot, см. *Quelques transcriptions chinoises de noms tibétains*, T'oung Pao, 2-е в., т. XVI, № 1, Mars 1915, p. 3.

² Ср. Staël-Holstein, *Bemerkungen zu den Brāhmiglossen des Tisāstvastik-Manu-scripts*, Bib. Budd., XII, p. 131.

³ В согд. и уйг. встречаются также другие начертания этого слова, см. J. A., X в., т. XIX, p. 174; F. W. K. Müller, *Uigurica* I, p. 18.

С другой стороны в санскритских заимствованиях монг. $\dot{\text{c}}$ и $\dot{\text{j}}$ > з , з восходят к санск. $\dot{\text{c}}$. В случаях, когда санскритское заимствование попало к монголам через посредство согдийцев ~ уйгуров, сакр. $\dot{\text{c}}$ > монг. $\dot{\text{c}}$; в тех-же случаях, когда санскритское слово попало к монголам через Тибет, скр. $\dot{\text{c}}$ > монг. $\dot{\text{j}}$, j > з , з , потому что тибетцы, усвоив непальское чтение санскрита, передают скр. $\dot{\text{c}}$ через с (з). Например: скр. $\dot{\text{c}}\text{andana}$ > согд. $\dot{\text{c}}\text{ntn}$ * $\dot{\text{c}}\text{indan}$ > уйг. $\dot{\text{c}}\text{indan}$ > монг. $\dot{\text{c}}\text{indan}$ || скр. $\dot{\text{c}}\text{andana}$ > тиб. can-dan > монг. jandau ~ jandan > халх. $\text{занд\`ац}$, бант. занду , занду . Монголы обычно тиб. с читают, как з , з , которому в монг.-письм. соответствует $\dot{\text{j}}$ ~ j (> з , з); транскрибируя тибетские слова, монголы тиб. с передают то через j , которое читают, как з , з , то через $\dot{\text{j}}$, которое тоже читается монголами, как з , з : тиб. с = монг. $\dot{\text{j}}$, j . Примеры: тиб. soṅ-kha-ra > монг.-письм. jong-kha-ra ~ jong-kha-ra (читается $\text{зоṅ}\text{'х\`аб\`а}$, $\text{зоṅ}\text{'аба}$) > халх. $\text{зуṅх\`у}$ , бант.  $\text{зуṅк\`у}$; тиб. sam-ra > монг.-письм. jamba ~ jamba > халх. $\text{замб\`а}$, «поджаренная ячменная мука, кушанье из поджаренной ячменной муки». Благодаря этому в русской научной и популярной литературе установился обычай передавать прозвание основателя церкви «желтошановников» через «Цзонхава», «Дзонхава», т. е. следуя монгольскому произношению.

Таким образом вышесказанное о трактовке скр. $\dot{\text{j}}$ и $\dot{\text{c}}$ в монгольском можно представить в следующей схеме:

На основании устанавливаемого соотношения: скр. $\dot{\text{j}}$ > согд. $\dot{\text{c}}$ > уйг. $\dot{\text{c}}$ > монг. $\dot{\text{c}}$ (при скр. $\dot{\text{j}}$ > тиб. j > монг. $\dot{\text{j}}$ ~ j > з , з) можно установить, что ряд монгольских слов восходит очевидно к согдийским формам через уйгурское посредство, хотя в уйгурском далеко не все эти формы еще обнаружены, так как количество разобранных уйгурских текстов сравнительно не велико; еще меньше согдийских.

Примеры: монг.-письм. bartagcṡin > монг.-письм. bertegcṡin (такое чтение, т. е. е вместо а , появилось очевидно в виду наличия g , которое в монгольском встречается только в словах переднего ряда; поддержало такое чтение также и этимологические сближения (неверные) со словами: монг.-письм. berte- «быть поврежденным», berteng «вред, порча», bertengkei «поврежденный») «обыкновенный простой человек, крошечный, *profanum vulgus*, *ἰδιότης*

греческих философов, глупец»¹ < согд. † prtkēn *p'rtakēin^a < скр. prthag-jana²; скр. jātaka > согд. † ččđk ~ † č'ttk *čādāk^a > уйг. čadik > монг. čadik (> čadiγ ~ čedig > халх. ц'едік, банг. цедік; форма čadiγ — любопытное свидетельство о старании монголов отметить традиционное чтение — произношение этого слова с а; но эта попытка особого успеха не имела, форма čadik более «правильная» под влиянием этого конечного k, подобно тому как это указывалось выше, стала восприниматься как čedig, давшее в живых наречиях ц'едіг, цедік: слово это не имело в монгольском языке ассоциаций и потому не оказалось на лицо ничего задерживающего для сохранения более правильного чтения). Предположение восстановить согдийскую форму с двумя согласными, соответствующими одному санскритскому, основывается на следующем. В согдийском трактование старого t между двумя гласными различалось издавна по диалектам: так, согласно Andreas'у, согд.-христ. t > d, согд.-маних. t > l³; к этому надо еще прибавить, что в согдийском (буддийск.) при помощи двух δ (δδ), повидному обозначался какой-то особый звук, во всяком случае отличный от того, для изображения которого пользовались знаком δ⁴. Далее, встречал согд. p'ttr > монг. badir «чаша», восходящее к скр. pātra, необходимо объяснить, почему в согдийском в данном случае являются два t (tt)? Затем возникает вопрос, ответ на который тоже должен быть дан, почему в слове badir на монгольской почве появляется d тогда, как в ряде этимологически близких форм имеется t: скр. pātra, куча. pātra, хотан. pāttaṛa? Из выше приведенных, а также и других примеров мы знаем, что монголы удивительно верно сохраняли согдийские формы и согдийскую традицию, поэтому можно предполагать, что в согдийской форме p'ttr два t (tt) являются не в силу влияния прākритизованного санскрита, в котором известны формы с удвоенными согласными, а для обозначения особого звука, близкого к звонкому взрывному зубному: d; не надо забывать при этом, что в согдийском вообще звонкий взрывной зубной (d) встречается только после z и n и обозначается через t.

По всем вероятиям к согдийским заимствованиям придется отнести следующие уйгурские и монгольские формы: уйг. šrvk, šravak > монг. širavak «črāvaka»; уйг. prit > монг. birit «preta»; уйг. čmbudvip, čambudivip > монг. čambudvib «čambudvīpa»⁵; монг. čit «četa»; уйг. makišvri > монг. makišvri, makišvari «maheçvara»: уйг. šastr > монг. šastir «čāstra»; уйг. č/šapt > монг. čayšabat «čikšāpada»; уйг. dyan > монг. dyan, diyan «dhyāna», etc.

¹ См. Н. Kern, Histoire du Bouddhisme dans l'Inde, I, p. 408.

² Промежуточная уйгурская форма еще не обнаружена.

³ См. Gauthiot, Essai de gram. sogd., p. 136.

⁴ См. Gauthiot, op. cit., p. 139.

⁵ Об этом слове см. P. Pelliot, T'oung Pao., v. XV, p. 248.

Итак, уйгуры, а затем и монголы, заимствуя согдийские слова, не только переписывали их из согдийских текстов, но принимали их в известном освещении, даваемом согдийским произношением, или согдийским чтением; согдийская традиция сохранялась. Тем не менее можно указать на несколько случаев, когда согдийские слова подвергались своеобразной трактовке на турецко-монгольской почве. Возьмем для образца любопытное слово, обозначающее «драгоценность», скр. *ratna* > согд. *rtny* (**radnə*?). Уйгуры и монголы, заимствовав это слово от согдийцев, прежде всего отметили через *aleph* приставной гласный в виду требования уйгурской и монгольской фонетики, не терпящей *r* в начале слова; затем они приняли, согласно обычному правилу, согд. *y* за *i* тогда, как в данном случае это *y* служило в согдийском для обозначения совершенно особого звука, приближавшегося к старо-славянскому *ъ* и игравшему большую роль в конце согдийских слов: согд. *rtny* > уйг., монг., *'rdeni* ~ *erdeni*¹. Можно привести еще несколько подобных же примеров, которые показывают, как согд. *y*, употреблявшееся в конце слов для обозначения особого звука, дает при заимствовании уйг. и монг. *i*, причем ясно, что подобные слова ни в коем случае нельзя отнести, как казалось-бы по первому впечатлению в виду того, что уйг., мон. *i* = хотан. *ä* (*i*) = скр. *a*, к хотанским заимствованиям, например: скр. *gr̥dhraṇa* > согд. *kr'ytkwty* > монг. *kridakuti*, *karidakuti*. В хотанском скр. *ratna* было заимствовано в формах *ratana*, *raṇna*, *raṇna*; и в собств. им. в неизменном виде, например *ratnaketti*², что лишний раз подтверждает невозможность признания уйг., монг. *erdeni* || скр. *ratna* за хотанское заимствование.

Из примера: — скр. *yaśodharā* > согд. *yš'wdrh* **yaśōdarā* > монг. *yaśodari* — можно видеть, что согдийское *h* на конце слов служило тоже для обозначения особого краткого звука, как и *y* (ср. согд. *šyr*³βsth > монг. *širavasti* «*Ṣṛāvasti*»); поэтому нельзя согласиться с Р. Gauthiot (и следующим за ним В. Laufer'ом), что монг. формы *ubasaṇṣa* < согд. *'wp's'nēh* **urāsānṣa* и монг. *šimnaṇṣa* < согд. *šmn'nēh* **š'mnānṣa* сохраняют, быть может, старый согдийский образ, но что это не может быть доказано³. Впрочем фраза В. Laufer'a: — «R. Gauthiot is certainly right in observing that it is impossible to prove this interdependence; yet it is probable to a high degree and seems altogether plausible» — вызывает недоумение, потому что Р. Gauthiot говорит именно о невозможности, по его мнению, доказать,

¹ Как в уйг., так и в монг. часто еще встречаются формы *erdini*, ср. Р. Pelliot, T'oung Pao XV, p. 232; в монг. письменности встречается иногда и форма *radna*, заимствованная с санскритского через тибетское посредство.

² См. Р. Pelliot, Un fragment du Suvarṇaprabhāsa-sūtra en iranien orientale, M. S. L., t. XVIII, p. 26.

³ См. Gauthiot, Essai de gram. sogd., p. 112; Laufer, Sino-Iranica, p. 573-574.

что согд. формы 'wp's'nčh и šmn'nčh «a peut être été emprunté par le mongole sous sa forme ancienne»; в факте же заимствования этих слов монголами R. Gauthiot не сомневается. На основании всего вышесказанного ясно, что конечное а в монг. ubasaṇča и šimalča вторичного происхождения, появившиеся по требованию монгольской фонетической системы, не терпящей ċ на конце слов, совершенно также, как в монг. тахагаṣа < уйг. тхагаṣ, mḡagaṣ < согд. mγ'r'č (скр. mahāgāja).

Из согдийского языка к монголам попали не одни только буддийские термины. Несколько слов, так сказать, более житейских, заимствованные из согдийского уйгурам, а вслед за ними и монголам, было уже указано раньше. На одном из них позволю себе остановиться. F. W. K. Müller в статье своей в сборнике в честь Hirth'a совершенно верно, исправляя чтение В. В. Радлова, указал, что уйг. sitir восходит через иранские формы к греч. σιτήρ. Но F. W. K. Müller оставил без внимания замечания R. Gauthiot о том, что греч. σιτήρ > согд. st'yr¹ *s'tēr; уйг. sitir восходит, конечно к этой согдийской форме и было заимствовано уйгурам совершенно «правильно». Слово это попало и к монголам, что F. W. K. Müller и отмечает, в форме sijir (> шиṣṣṣ, добавим, многих монгольских наречий); но F. W. K. Müller не дает никакого объяснения этой формы.

В монгольском языке t неизвестен перед i, недолгим i, потому что еще в обще-монгольскую эпоху t перед i развился в ċ. Точно также в монгольском не встречается перед i недолгим d. Правда, в словах, заимствованных из других языков d, t встречаются и перед i; но и в таких заимствованных словах, в случаях, если они упрочились в живой речи монголов, t и d редко когда остаются перед i, например: согд. dydymh (пехлеви-турфан. dydym)² > монг.-писм. titim «διάδημα» > дэрб.-Астр. теṭṣ; монг.-писм. badir > халх. баḍṣ, балт. баḍṣ³ «rātra». Следовательно, мы могли бы ожидать, что уйг. sitir > монг. *sičir. Но в действительности разбираемое монгольское слово имеет не ċ, а j. Откуда это j и имеем-ли мы право возводить его к *t, имеем-ли право монг. sijir возводить к уйг. sitir? Монгольское j в известных случаях восходит к *d. Но турецкое, в частности уйгурское ċ часто соответствует монг. j, в особенности при взаимных заимствованиях, не книжных, а народных; например: монг. jerge || уйг., дж. ċerge «ряд, строй»; монг. jige || уйг. ċiye «сын сестры»; монг. jiloṡa > ойрат.-писм. jilč «повод, возжи» || дж. čilau; монг. jir-jir > čir- čir || осм.,

¹ См. Gauthiot, Essai de gram. sogd., p. 136.

² См. Gauthiot, Essai de gram. sogd., p. 138.

³ См. Б. Владимирцов, О частницах отрицания при повелит. наклонении в монг. яз., ИРАЦ, 1916, стр. 352-353.

дж. *ṣir-ṣir* «звук чириканья»: тоже чередование *j* и *ṣ* можно наблюдать и на монгольской почве, например: монг.-писм. *yertincü* || монг.-квадрат. *yertin-jü*, балт., дэрб.-Кобд. *jirtmji* «мир, вселенная»¹; монг.-писм. *činggis* || монг.-квадрат. *jün-gis* «Чингис»; еще один пример, взятый из живой, даже интимной, поскольку это касается монгольского слова, речи: балт. (в некоторых местах только) *цүкү* «девушка» (балт.-вост. *зүкү* «сучка, самка») || турк.: вост.-турк. *чүкен* «молодая девица». На основании всего этого можно предполагать, с большой долей вероятия, что уйг. *sitir* попало к монголам не книжным путем, а было заимствовано живой монгольской речью задолго перед тем, как стало проникать в монгольскую письменность, почему и подверглось сильной обработке в духе монгольского языка: **t* > *č* || *j* и *s* > *ш*: монг. *шір* < *sijir* < **sitir* ~ **sičir* < уйг. *sitir* < согд. *st'yr* **s'tēr* < греч. *στατήρ*. К примерам употребления в монгольском слове *sijir* в означенном значении, приводимым F. W. K. Müller'ом, можно прибавить еще следующий: *öberün ed mal-ni qualdudayad jaγun sijir altan-ni abču...* (Siddhikūr, MS. Burd. Азиат. Муз., f. 77) «продав собственное свое имущество и скот и получив сто „статеров“ золота....».

Надо при этом заметить, что в устах монгольского народа многие слова согдийского происхождения сильно видоизменяются, хотя они и сохраняются в неизменном виде на страницах монгольских книг, монгольских рукописей, потому что слова эти, хотя они и являются *termini* буддийской культуры, давно уже стали достоянием обиходной речи монголов и постоянно употребляются ими в повседневной жизни. Большинство подобных изменений не может быть объяснено обычными фонетическими законами, действующими в монгольском языке. Объяснение надо искать в другом законе особого порядка, на который и в случаях заимствований, как и в других случаях жизни языков, обычно, обращается слишком мало внимания. Я говорю о законе ускоренного фонетического развития, проявляющегося спорадически в словах, употребляемых в обиходной речи очень часто, в словах, так сказать, истертых в языке, а также в словах, которые стали употребляться только в формальном значении, теряя свое обычное прямое значение, т. е. грамматикализироваться. С падением значения, а также с частым употреблением, занашиванием слова всегда связывается и фонетическое изменение вне общего плана фонетических изменений данного языка, данной системы: ускоренное фонетическое изменение. Подобно тому, как в русском языке из «Александр Александрович» получается «'лсан саныч», в монгольском некоторые заимствованные согдийские слова подвергаются

¹ См. Б. Владимиров, Турецк. элементы в монг. яз., Записки, т. XX, стр. 165; P. Pelliot, T'oung Pao, XV, p. 232.

необъяснимым, казалось бы, изменениям; например: согд. *sm'yr* > монг.-писм. *sumir* > халх. *сүмбүр*, бант. *сүмбү* «Sumeru»; согд. *šmn'nēh* «bhikṣuṇī» > монг.-писм. *šimnapṣa* > халх. *ч'ауҗанц'а* (откуда книжная форма *šibaγanṣa*), бант., дэрб.-Кобд. *шауҗанца́*; монг. *qormusta* < уйг. *qormuzta* восходит к согдийской форме, неизвестной до сих пор по буддийским текстам и отмеченной лишь в согд.-христ. письменности: *χūrmaztā*¹; монг. *qormusta* «Indra» > бант. *хормүкчн* «с. п. владыки злых духов»; турк.: тел. *körmös* «бес, злой дух»²; согд.-христ. *šmnū*³ > уйг. *š(i)mnū* > монг. *šimnu* > *šimnus* (plur., употребляемый в значении singul.) > халх.-зап. *шолмё*, *шолмёс*, бант., дэрб.-Кобд. *шолмё*, *шолм'с* «злой дух, бес, дьявол, черт» > монг.-книжн. *šilnu*, *šilmus*.

Относительно последнего слова позволю себе сделать одно замечание. Иранистами было предположено, что согд.-будд. *šmn* **šamaṇ* < скр. *śamaṇa*, восходящее к санскритской форме, быть может через посредство хотан. *śṣamaṇa*, служило, как для обозначения «bhikṣu», так и для обозначения «дьявола, Māra», почему согд. *šmn* дало не только монг. *šimnapṣa* «bhikṣuṇī», но и монг. (и уйг.) *šimnu* (*šmnū*) «злой дух, Māra». С этим предположением⁴ нельзя согласиться: уйгурская форма *šmnū* и монгольская *šimnu*, оканчивающиеся на *u*, заставляют искать другого, чем *šmn*, согдийского прототипа этого уйгурского и монгольского слова; и действительно он находится в согд.-христ. *šmnū* в значении «дьявол»; можно ожидать, что близкая форма, настоящий прототип уйг. *šmnū* и монг. *šimnu* будет обнаружен в согдийских буддийских текстах⁵; на основании уйг. и монг. формы можно предположительно представить себе согдийскую в виде: † *šmnw*.

Привожу в алфавитном порядке еще несколько согдийских заимствований, которые до сих пор еще не были отмечены, попавших, очевидно, через уйгурское посредство к монголам, в монгольскую письменность:

1 монг. *baramit* < уйг. *baramīt* < согд. *p'r'm'yt* < скр. *pāramitā*;

2 монг. *bodistv* (> *bodisug*, *bodisung*⁶) < уйг. *bodistv* < согд. *pwtystβ* < скр. *bodhisattva*;

3 монг. *vibaši* < согд. *βур'šy* < скр. *Vipaśyin*:

¹ Ср. B. Laufer, *Sino-Iranica*, Chicago 1919. p. 572.

² См. Б. Владимиров, Монгольский сборник рассказов из *Raṁcātātra*, Петроград 1921, стр. 119—120.

³ «Сатана»; см. F.W.K. Müller, *Sogd. Texte*, I. p. 11; Laufer, *Sino-Iranica*, p. 573.

⁴ См. Ф. А. Розенберг, О вине и пире в персидской национальной эпосе, Сборник Музея Антропологии и Этнографии, V, стр. 379.

⁵ Предположение Ковалевского (см. его Монг. словарь, sub voce) о происхождении этой монг. формы от скр. *śamaṇa*, поддерживаемое А. М. Позднесвым (см. Очерки быта будд. монастырей... в Монголии, стр. 209), конечно, лишено всякого основания.

⁶ Благодаря неправильному чтению, см. Владимиров, Турецк. элементы в монг. яз. Записки, т. XX, стр. 164.

4 монг. *kašib*, халх. *гашиб*, бант. *гашиб* < согд. *k'sš'ur* < скр. *Kāṣyapa*;
5 монг. *kanakamuni* (читается обычно: *ganagamuni*) < согд. *knkṃwny* < скр. *Kanakamuni*;

6 монг. *karkasundi* (читается обычно: *kerkesündi*) < согд. *krkswnḍy* < скр. *Krakacchanda*;

7 монг. *kotama*, *Kodama* (читается обычно: *godama*) < согд. *k'wt'm'*, *k'wδ'm'* < скр. *Gautama*;

8 монг. *maḡamai*¹ < согд. *mγ'm'yh* < скр. *Mahāmāyā*;

9 монг. *nom* < согд.-христ. ² *nōm* < греч. *νόμος*;

10. монг. *orislam*³ < согд.-христ. ⁴ *'ōrislim*⁴ «Иерусалим»;

11. монг. *čerig* (< *čarik*) «воин» < уйг. *kšatrik*, *kšatirik* (> *čarik* > *čerik* «воин») «*kšatriya*», «воин» < согд. *'γšδrt'k* **°xšàδr'ták*⁵ «царский».

Повидимому к согдийским же заимствованиям, вернее, к заимствованиям, восходящим к согдийскому, можно будет отнести и монг. *сагаг*. Монг. *сагаг* > дэрб.-Астр., торг.-Астр. *цахр* обозначает «живущие около княжеского двора или монастыря бедняки и простолюдины, слуги и др.; местожительство, местопребывание таких лиц»⁶. В Монголии слово это в настоящее время неизвестно, но за то до сих пор *сагаг* > *ц'ахяр*, *ч'ахяр*, *цахр*, *чахр* обозначает название одного южно-монгольского племени «чахар»; названия же монгольских племен и родов нередко являются названиями различных должностей⁷. В старой монгольской письменности слово *сагаг* употреблялось в ином значении. Так в монгольском Ганджуре⁸ находятся такие фразы: *ilaḡu tegüs nögčigsen čita-yin čečeglig-ün tögerig saḡar-tur nom-i nomlabai*⁹ «Bhagavan проповедывал на круглом дворе Jetavana»: *qulusun-iyer egüdügsen küriyen-ü saḡar-tur saḡun bölüge*¹⁰ «находился на дворе»¹¹ с оградой, воздвигнутой из камыша». Следовательно монг. *сагаг*

¹ уйг. тоже.

² В согд.-будд. текстах до сих пор еще не отмечено, уйг. *nom* «dharma», Ср. Laufer, 574.

³ Письмо Хулагуидского султана Аргуна к королю Филиппу Красивому, строка 21.

⁴ F. W. K. Müller, Sogd. Texte. I, p. 17, 33, 58.

⁵ См. Gauthiot, Essai de gram. sogd., p. 43, 142; Radloff, Tišastvustik, p. 63.

⁶ Ср. Рамstedт, Сравнит. фонетика монг.-писм. яз. и халх.-Ург. говора, стр. 12.

⁷ Ср. Б. Владимирцов, Анонимный грузинский историк XIV в. о монг. яз., ИРАП, 1917, 1493-4. I. J. Schmidt говорит, что о чахарах впервые упоминается в монгольских преданиях о Dayan-qan'e, см. его Die Volksstämme der Mongolen, Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg, VI Série, sciences politiques, histoire et philologie, t. II, p. 415: Schmidt говорит, повидимому, на основании монгольского сочинения Pedkel šastir.

⁸ Как известно окончательно отредактированном в начале XVII в., причем в состав его вошли и более старые монг. переводы Писании, и изданном хул. способом при Кан-си.

⁹ Парижский Ганджур, отдел Дула, т. 64, f. 71.

¹⁰ Парижский Ганджур, отдел Дула, т. 69, f. 281.

¹¹ Возможно и следующее толкование: «находился в поселке при ограде (обители), воздвигнутой из камыша».

значило еще «двор, селение, место», быть может «замок, двор». Очень близкое значение слова *šaqaq* отмечено в османском и джагатайском: «место, укрепленное, окруженное стеной, лежащее вне крепости; военный лагерь вне городских стен, укрепленный оградой; стан кочевников, окруженный оградой»¹. Ни на монгольской, ни на турецкой почве *šaqaq* не находит себе объяснения². И вот оказывается возможным считать это слово перанским: согдийским.

Китайские авторы сохранили слово «*tcho-kie*», каким назывались отборные войны Бухары; Сюаль-дзан кроме того отмечает, что в Самарканде пмелись особые воины, называемые «*tcho-kie*», отличавшиеся особой храбростью³. E. Chavannes, приводящий эти известия, прибавляет: «*Tcho-kie, comme veut bien me l'indiquer Marquart, est la transcription du mot persan tchākar „servus, famulus“, qui avait en Sogdiane le sens spécial de „guerrier“ (garde de corps)*»⁴. С другой стороны известно, что арабские источники упоминают о личной гвардии владетелей в Средней-Азии до завоевания Мавераннахра Кутейбой⁵, такие гвардейцы назывались *šakir*'ами («слугами»): *šākar*, «слуга», хорошо известное персидское слово, > осм. *šaker*, средне-азнат. *šakir*. На основании вышеприведенных известий китайских авторов можно думать, что «*tcho-kie*» есть транскрипция не персидского, а согдийского слова, этимологически близкого к перс. *šākar*. Это согдийское слово, можно предположить, и было заимствовано турками и монголами в форме *šaqaq* со значением «слуга» и «местожительство слуг» с дальнейшим развитием этих основных значений. Возводить же турк. и монг. *šaqaq* к перс. *šākar*, конечно, невозможно благодаря различию среднего заднеязычного. На основании монгольского можно думать, что согдийская форма была † *šyq*. Замечательно, что монголо-ойратский героический эпос, сохранивший так много старины, упоминает о каких-то мифических бухарин *cerik* «бухарских воинах» и тохарин *cerik* «тохарских воинах».

Согдийские заимствования в монгольском языке, почти все относящиеся к области *termini* буддизма, представляют особый интерес именно с точки зрения истории буддизма в Средней Азии⁶. Замечательный факт: согдийские заимствования проникли к монголам, очевидно, в раннюю эпоху, в период

¹ См. Опыт словаря В. В. Радлова, т. III, стр. 1833; В. В. Радлов приводит еще *šaqirčī* «палач» (стр. 1836).

² Ср. Рамстедт, *op. cit.*, p. 12.

³ См. E. Chavannes, Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux, p. 313, 366.

⁴ Ibid., p. 313.

⁵ См. В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 182.

⁶ О буддизме в Средней Азии см. Charles Eliot, Hinduism and Buddhism, 1921, v. III, chap. XLI.

культурного влияния уйгуров, продолжавшегося, быть может, до половины XIV в.¹; и вот, хотя монголы после падения Юаньской династии потеряли многое из культурных приобретений времен Чингис-хана и Монгольской Империи, хотя они в значительной степени и оставили буддизм, начавший распространяться среди них, тем не менее, когда в XVI в. началась у них пора буддийского ренессанса под влиянием и руководством Тибета, некогда заимствованные буддийские согдийские термины опять воскресают для новой жизни: не смотря на сильнейшее влияние тибетской письменности, старинный буддийский комплекс терминов согдийско-уйгурского происхождения не сходит у монголов со сцены и продолжает жить полной жизнью. Вместе с обнаруживанием и исследованием новых согдийских текстов, в особенности буддийских, начнет, конечно, расти число доказанных и объясненных заимствований из согдийского языка в монгольском (и уйгурском). Разбор этих заимствований может оказаться полезным не только для монголистики, но и для правоповедения. Вместе с тем сравнительное изучение согдийских, уйгурских и монгольских буддийских termini даст надежный материал для суждения о характере буддизма в Средней Азии. Монгольская литература с этой точки зрения приобретает особый интерес; а вместе с тем нельзя забывать того, что исследование монгольской письменности и литературы едва началось, хотя монголистика, как научная дисциплина, существует уже сто лет.

На смену согдийскому в Средней Азии появляется язык персидский, новоперсидский и, отчасти, новые иранские диалекты. В монгольскую эпоху персидский язык получает особое распространение. Монголы с персидским языком могли познакомиться рано, на самой заре своего исторического существования от мусульманских купцов, проникавших в Монголию; дальнейшие исторические события, завоевание Персии монголами, могли только способствовать встрече монголов с персидским элементом. Мы находим даже указания на то, что существовало известное литературное общение между мон-

¹ Мы знаем, что в некоторых местах уйгуры, вернее сказать, остатки уйгуров, продолжали писать по уйгурски и переписывать уйгурские буддийские произведения даже в XVII в. Возможно, конечно, предполагать поэтому и более позднее влияние уйгурской письменности на монгольскую. Но, во первых, трудно предположить, чтобы в XVI, XVII вв. влияние это было хотя-бы сколько нибудь значительно; во вторых, до нас дошло достаточное количество монгольских сочинений не позднее половины XIV в., которые и доставляют нам материал для суждения о раннем проникновении согдийских элементов через уйгурское посредство к монголам.

гольским и персидским миром¹. «Араб-филолог», писавший о монгольском языке жпг, по всей вероятности, в Персии; наконец, мы знаем, что персидские литературные произведения попадали, если не к монголам, то во всяком случае в Монголию². Можно думать, что те монголы, которые поселились в улусах Чагатай, Джучи и во владениях Хулагидских султанов, в языковом отношении подверглись большему влиянию персидского, чем их родичи, оставшиеся на старых местах; но об этих западных монголах мы знаем более, чем мало; во всяком случае афганские моголы, язык которых нам известен до некоторой степени, могут служить образцом³; не надо забывать при этом, что монголы, ушедшие на Запад, скоро растворились в окружающей их этнографической среде, остатки же их в роде кайтаков и афганских моголов были совершенно изолированы от остального монгольского мира.

Что касается языка «восточных» монголов, то в нем персидские заимствования обнаруживаются в известном количестве, небольшом, правда, но все-таки вызывающем внимание. Персидские слова проникли в монгольский язык различными путями, будучи заимствованы, повидному, непосредственно с персидского, или же при посредстве других языков, главным образом турецких диалектов; другим посредником при передаче монголам персидских слов был язык тибетский. Таким образом ясно, что древнейшие заимствования с персидского в монгольском будут те, которые были сделаны непосредственно от персов, т. е. во времена Монгольской Империи, не позже половины XIV в.; хронологию заимствований, попавших к монголам через турецкое посредство, установить пока очень трудно; прошедшие же тибетскую среду, по всей вероятности, относятся к новейшему времени, начиная от XVII в. Но еще труднее установить с очевидной точностью, какие именно из персидских заимствований, обнаруживаемых в монгольском языке, можно отнести к принятым непосредственно от персов (и, быть может, других иранцев). Помимо обследования памятников монгольской литературы для разрешения этого вопроса должна быть сделана попытка выяснения, каким путем попали персидские заимствования в монгольский язык и при помощи лингвистического анализа.

Рассматривая монгольские слова, которые мы имеем основание считать

¹ См. В. В. Бартольд, *Культура Мусульманства*, изд. «Огни», Петербург, 1918, стр. 80, 88-89. См. Б. Владимирцов, *Монг. сборник рассказов из Райсатантра*, 1921, стр. 1-2.

² См. С. Ф. Ольденбург, *Материалы по буддийской иконографии Хара-хото*, 1914, стр. 7; Б. Владимирцов, *op. cit.*, стр. 2, прим. 1.

³ См. G. J. Ramstedt, *Mogholica*, J. S. F. O., XXIII, 4; большинство персидских заимствований в языке моголов указано Ramstedt'ом и выяснено влияние на него иранских элементов.

заимствованными с персидского, можно установить, что с одной стороны перс. а¹ = монг. е., с другой же тоже перс. а = монг. а, таким образом: монг. е < перс. а > монг. а.

Примеры:

перс. а:	монг. е:	перс. а:	монг. а:
bagtar	begter	dānišmand	daš-man
farzīn	берсун	nar	нар
šakar	šiker	anār	anar
tarsā	ters	šatrang	šitaran
arkaūn	ēr-khe-'un	māda	maja

Долгое перс. а (ā) = монг. а всегда, за исключением некоторых случаев, когда перс. ā > монг. и; например: перс. šaftālū > монг. šabtul «персик»; перс. rūlād > монг. bolud «сталь»; перс. šalwār > монг. šalbur «шаровары»; перс. χurmā > монг.: ойрат.-письм. χurmuṃ «финик».

Повидимому, все персидские заимствования, в которых перс. а = монг. е, проникли к монголам через турецкое посредство. Действительно, турки, принадлежащие к разным наречиям, принимая персидские и вообще иранские слова, по большей части воспринимали иранское а, как е; так и согд. knδ *kanδ «город» > тур. kent²; согд. knδ *kanδ и knδh *kanδ² = хотан. kantha.

В тех же случаях, когда персидские заимствования в монгольском имеют перс. а = монг. а, можно считать, что они были приняты монголами без посредства турок и были взяты непосредственно от персов, или же при посредстве неизвестного языка и народа. Повидимому, когда персидские заимствования в монгольском содержат перс. ā = монг. а = турк. а, можно признать их проникшими к монголам через турецкое посредство; персидские же заимствования, обнаруживающие отношения: перс. ā = монг. и, по всей вероятности, были приняты монголами непосредственно от персов; вспомним, действительно, особое произношение перс. ā, наблюдаемое во всех новоперсидских диалектах. Наблюдение над языком афганских моголов подтверждает вышеизложенное; в многочисленных персидских заимствованиях всегда могол. а = перс. а, могол. ā = перс. ā.

Персидские же слова в монгольском, прошедшие через Китай и Тибет, приобретают особый отпечаток и поэтому сравнительно легко узнаются.

¹ Вопрос о том, как это перс. а произносилось самими персами, не имеет особого значения для выясняемого.

² О том, что это турецкое слово является согдийским (или бактрийским) заимствованием, писал еще Grénard; см. Durtreuil de Rhins, Mission scientifique dans la H. Asie, II-me partie, F. Grénard, Le Turkestan et le Tibet, pp. 35, 51.

Привожу теперь список персидских заимствований в монгольском языке, список, конечно, лишь предварительный, причем включаю в него и те, которые были уже указаны В. Laufer'ом в его книге *Sino-Iranica* (1919 г.)¹, потому что объяснения В. Laufer'a требуют, как мне кажется, некоторых дополнений и исправлений:

1. монг. анаг «граната» < перс. anār (Laufer, 574); В. Laufer совершенно верно отмечает, что уйг. форма пага,—крайне сомнительная, замечу между прочим, как и очень многое в китайско-уйг. словаре, откуда это слово взято,—не может быть признана посредствующей между монг. и перс. В монгольском слово анаг встречается только в специальных сочинениях.

2. монг. badam, дэрб.-Кобд. бадм || тур.: уйг., осм. badam «миндаль» < перс. bādām (Laufer, 406 — 7, монг. форма не указывается); в монгольском слово это редкое и, обычно, монголы не знают, какое собственно растение именуется badam, бадм, бадм цецек («цветок миндаля»).

3. монг.-квадрат. baq² (= монг.-писъм. *baγ) || тур.: уйг., осм., крм., вост.-турк., тар. baγ «сад» < перс. bāγ (Laufer, 575; транскрипция монг. слова неточна); в настоящее время слово это не употребляется ни в монг.-писъм., ни в живых монг. говорах. В торг.-Алт., торг.-Астр., дэрб.-Астр. встречается слово баңца «сад, огород» || тур.: уйг., каз., вост.-турк. baqsa, бакча, тар. бакца < перс. bāγsa (3a).

4. монг.-писъм. baǰar, basar, ойрат.-писъм. bazar, дэрб.-Астр. базр || тур.: уйг., осм., крм., тркм., хив., сарт., каз., кип., тар. bazar, базар «рынок» < перс. bāzār; в настоящее время слово это употребляется, насколько известно, среди монгольских племен только у поволжских ойратов (калмыков). Н. Я. Марр считает перс. bāzār, слово разошедшееся по многим и многим языкам, яфетического происхождения; первоначальное его значение: «дело у ворот»³; заключения Н. Я. Марра встретили себе уже поддержку в научной литературе⁴.

5. монг.-писъм. bars, зап.-монг. XIV в. p'ars⁵, бант., дэрб.-Кобд. бар,

¹ В особой главе этой книги: Appendix I, Iranian Elements in Mongol, приводится 23 иранских слова, проникших в монгольский язык разными путями. Из них 6 согдийских и 17 персидских; согдийские я оставляю в стороне потому, что о них уже говорилось выше, кроме того в данном случае В. Laufer не прибавляет ничего нового к сказанному раньше другими учеными. Опять должен отметить, что для меня осталась недоступной статья В. Laufer'a: Loan-Words in Tibetain (T'oung Pao, 1916, pp. 403 — 552). К сожалению В. Laufer на всем протяжении своей чрезвычайно интересной книги для транскрипции монгольских слов пользуется очень неустойчивой, смешанной и совершенно устаревшей системой словаря Ковалевского, оставляя в стороне объяснения монголистов новой школы.

² См. Б. Владимирцов, Турецк. элементы в монг. яз., Записки, т. XX, стр. 161—162.

³ См. Н. Я. Марр, Надпись Русы II из Маку, Записки, т. XXV, стр. 13.

⁴ См. В. В. Бартольд, Культура мусульманства, изд. «Огни», Петербург 1918, стр. 30.

⁵ См. Б. Владимирцов, Анонимный грузин. историк о монг. яз., ИРАН., 1917, стр. 1488 — 1489.

барă, халх. бар, барă, барăс || тур.: орх., уйг., осм., тркм., хив., вост.-турк. bars, барс «тигр», пантера < перс. pārs ~ fārs «пантера». Монгольские формы бар, барă, барăс, бар являются правильным развитием bars ~ барс, так как монгольский язык не терпит накопления двух согласных на конце слов.

6. монг.-писм. begter < тур. *begter (дж. bekter) «особый род панцыря» < перс. bagtar «особый род панцыря» (Laufer, 575; только В. Laufer указывает, следуя, очевидно, чтению словаря Ковалевского: begder, что не верно). В монг. яз. begter употреблялось и как собственное имя¹; в настоящее время слово это не распространено, но зато часто встречается другой эквивалент, тоже восходящий к перс. bagtar:

6а. монг.-писм. begje ~ begje, халх. бегзэ, бант., дэрб.-Кобд. бекзэ «собств. имя², панцырь, кираса» < тиб. beg-je «собств. им., кираса» < перс. bagtar (Laufer, 575; намечено и Ковалевским: Словарь, sub voce). По общему правилу begje ~ begje > begji ~ begji.

7. монг. бант., дэрб.-Кобд., дэрб.-Астр. берсн < *берсен, *берсн, захач., торг.-Алт. берзэ < перс. farzīn (средн.-перс. farzēn) «ферязь» (название шахматной фигуры); слово это, по всей вероятности, встречается и в других монгольских наречиях, но до сих пор не было еще отмечено.

8 монг.-писм. bojo ~ bojo, бант., дэрб.-Кобд. бозэ, халх. бозэ «паниток из ячменя; молочная барда» || тур.: бар. поза, кач. поңа, осм. кыр. боза, каз. тої. буза, дж. buza³ < перс. boza «паниток из риса, etc.» (Laufer, 575); монг. bojo ~ bojo < *boja ~ boja, лабиализованные же формы возникли под влиянием живой речи подобно тому, как монг. oṭai > oṭoi «лекарь», oṭai > oṭoi «вершина»⁴. Турецкие формы имеют а = перс. а под влиянием гармонии гласных.

9. монг.-писм. bolud, халх. болд, бант., дэрб.-Кобд. болт, дэрб.-Астр. болд «сталь, булат» || тур.: уйг. bolud, кюр. палат, тар. полат, саут. пулат, тркм. пулат < перс. pūlād (ср. Laufer, 575)⁵.

10. монг.-писм. bulγari, бант., дэрб.-Кобд., захач., урянх.-Алт., торг.-Алт. булбәрі, халх. булбәрі «юфть, название сорта выделанной кожи» < перс. bulγari «болгарское (изделье)», «болгарка (-кожа):» слово это попало и в тибетский язык: тиб. bul-ha-ri, болгар «юфть, русская кожа», — повидному монгольское заимствование. Формы эти bulγari ~ булбәрі являются лингви-

¹ Так, например, звали сводного брата Чингис-хана.

² С. ими одного божества ламаистского пантеона, как известно, называемого иначе Джамсараном.

³ Ср. Р. Pelliot, A propos des Comans, J. A., Avril-Juin 1920, p. 170.

⁴ Ср. Б. Владимиров, Монг. сборник рассказов из Raicatantra, 1921, стр. 116.

⁵ Ср. T'oung Pao, 1916. pp. 82, 479.

стической ремнищенцией о когда-то процветавшем кожевном производстве в городе Болгар на Волге¹.

11. монг.: дэрб.-Кобд., захач., уряпх.-Алт. бухārī «название особого сорта выделанной кожи» < перс. buḫārī «бухарское, бухарское (изденье), бухарка (-кожа)».

12. монг.письм. *ṣitun jimis* < кит. ц'и-т'ун < средн.-перс. *zeitun* < общесемит. **zeitu* (араб. *zeitun*) «оливка» (Laufer, 415 — 416). В. Laufer неверно читает вместо *jimis* «плод, ягода» «*jimin*», вероятно потому, что в пекинских ксилографах конечное монг. *s* очень часто изображается похожим на *n*. Слово *ṣitun* в монгольском встречается только в специальных сочинениях.

13. монг.-письм. *darī*, халх. дарї, бур. дарї, бант., дэрб.-Кобд. дārī, дэрб.-Астр. дārī, горлос. дер «порох» || тур.: дж. *daru*, кыр. дāri, алт., каз. тары, бар. тарі «порох» < перс. *dārūi*, *dārū* «порох»².

14. монг.-квадрат. *daš-mad, plur* < **daš-man* < перс. *dānišmand*, (> тур.: тар. дапшмен) «мусульманское духовное лицо», это значение, помимо прочего, выясняется и из контекста: *do-yid ér-khe-'ud sên-šhi-nud daš-mad* «буддийские монахи, христианское духовенство, даосские и мусульманские духовные лица»³. Китайская транскрипция этого слова: 達矢變 да-ші-ман. Значение этого слова было уже разъяснено арх. Палладием⁴, до открытия Chavannes'a. В монгольской форме мы не находим конечного *d* потому, что сочетание *nd* на конце слова невозможно в монгольском языке. В настоящее время у монголов слово это не употребляется вовсе: мусульман теперь монголы называют словом, заимствованным с китайского: хуї-хуї, или же словом, взятым с тибетского: лало < тиб. *kla-klo* = скр. *mleč'cha*.

15. монг.-письм. *debter, degter*, халх. дебтёр, бант., дэрб.-Кобд. дебтр, дегтр «книга, тетрадь» < тиб. *deb-ther, deb-gter* < перс. *daftar* < греч. *διδάξαι* (ср. Laufer, 503 — 504). Наличие параллельных форм *debter* ~ *degter* в монгольском ясно показывают зависимость их от тибетских. В настоящее время монголы словом *debter* и *degter* обозначают «книгу» в смысле формы, «книгу-тетрадь», «тетрадь». Но так как буддийские книги обычно не пишутся иначе, как на отдельных продолговатых листах, — все в подражание индийским пальмовым листам, — то довольно чисто слово *debter* ~ *degter* обозначает «книгу», «книгу-сочинение» светского характера.

¹ См. В. В. Бартольд, Культура мусульманства, «Огни», Петербург, 1918, стр. 78—79.

² Ср. Ramstedt, *Mogholica*, p. 26.

³ См. E. Chavannes, *Inscriptions et pièces de chancellerie chinoise de l'époque mongole*, IIe s., planche 19, ligne 6.

⁴ См. Труды членов российской духовной миссии в Пекине, т. IV, стр. 417. Ср. В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монг. нашествия, II, стр. 242.

16. монг.: дэрб.-Астр., торг.-Астр., балт., дэрб.-Кобд., захач., торг.-Алт. *цацүр* (< *цацүр) «с. п. былинного героя», затем «властитель владыка, повелитель», ср. монг.-писм. *jangγarla* < *jangγat* + *la* «владычествовать, повелевать, царствовать»¹ (ср.: *cevanrabtun-qan šajin öglige-yin ejen bolju töbüd ulus-ni ejelen janγarlayсан čaytu* «в то время, когда Цеван-Рабтан-хан, став милостыinedателем церкви буддийской, владычествовал, господствуя над народом тибетским»)² < перс. *jahān-gīr* «завоеватель мира»³.

17. монг.-квадратн. *ér-khe-'ud*, plur. < **ér-khe-'un*, араб.-филол. *erkewün* (= монг.-писм. **erkegün* < *erkeün* ~ *еркеүй*) «христианское духовное лицо, христианин вообще» < тур. **erkeün* < перс. **arḱaün* «христианин», *arḱün* «начальник, правитель» < ? греч. ἄρχων. Настоящий пример — с вышеуказанным соответствием: перс. а > тур. е > монг. е, — подкрепляет предположение Н. Я. Марра⁴ о путешествии слова ἄρχων > *erkeün* через Персию. Слово это исчезло из употребления в монгольском языке. Предположение Г. Н. Потанина о происхождении слова *erkeün* от «Ерке» собственного имени божества «ордынцев», конечно, лишено всякого основания⁵.

18. монг. *inǰir*, *ingǰir*, ойр.-писм. *id.*, дэрб.-Астр. *инцүр*, *инцү* || тур.: осм., ад., дж. *eñjir*, уйг. *eñcir* (*eñjir*?), ком., осм., крм. каз. *inǰir*, *инцүр* «вишняя ягода, фи́га» < перс. *anǰir*, бухар. *inǰir* (Laufer, 411, монг. не указано); в монг. слово это употребляется очень редко; как самый предмет, так и слово его обозначающее более известна поволжским ойратам.

19. монг.-писм. *kükür*, балт., дэрб.-Кобд. *күкүр*, халх.-Зал. **хүхүр* || алт., тел., сог., койб. *күкүр*, осм., крм. *күкүрт* «сера (горючая)» < перс. *gūgard* (Laufer, 575, приводит монг. формы: *kukur*, *kugur*, что конечно совершенно неточно; Ramstedt указывает для монг.-писм. почему-то форму *kökür* (?)⁶.

20. монг.-писм. *künǰid* ~ *künǰit* < перс. *kunǰut* «сезам, кунджут, *Sesamum indicum*» (Laufer, 291, монг. форма не указана); уйгурская форма *künǰit*, даваемая уйг.-кит. словарем, может быть и является посредствующим звеном между перс. и монг., но к показаниям уйг.-кит. словаря, опубликованного Кларотом, нужно относиться с большой осторожностью, потому что он включает в себе под видом уйгурских достаточное количество мон-

¹ Слово нашим словарям неизвестное.

² «История ойратов и Амурсаны», — список, вывезенный мною из Западной Монголии.

³ (р. В. В. Бартольд, Культура мусульманства, изд. «Огни», Петербург, 1918, стр. 89.

⁴ См. Н. Я. Марр, Арк'аун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонитах, Визант. Временник, XII, 1906, стр. 1 — 68, история термина: стр. 41 — 44.

⁵ См. Г. Н. Потанин, Ерке, культ сына неба в северной Азии, Томск, 1916 г.

⁶ См. его *Mogholica*, p. 28.

гольских слов, например: *tüšimel* «чиновник», *möndür* «град», *ebügend* «дед», *boγdas* «святой», etc¹.

21. монг.-письм. *küngkar*, баит., дэрб.-Кобд. *küŋkēr*, халх.-зап. **хүң-хёр* «кункер-хан, императорский государь, живущий на Западе и славящийся своим богатством»² < тиб. *kuñ-kaŋ* «турок, турецкий народ, турецкий государь» < перс. *χūnkār* «титул османского государя» (> осм. *χūnkar*, *хункар*, осм., крм. *hünk'ar*). Монголы слово это вместе с понятием, которое оно обозначает, заимствовали, можно думать, не прямо от персов, — в монгольской письменности *küngkar* появляется в позднюю эпоху, — а через посредство тибетцев, тибетской литературы, в которой имеются сказания о *kuñ-kaŋ rgyal-po* «о царе Кункаре ~ турецком султани»³. Самые формы *küŋkēr*, **хүң-хёр* показывают, что они возникли путем усвоения княжеского монгольского сказания: монг.-письм. *küngkar* (< тиб. *kuñ kaŋ*) стали читать естественно как *küngker* > *küŋkēr*.

22. монг.: ойрат.-письм. *χигтин*, дэрб.-Астр., торг.-Астр. *хурмн* || тур.: крм., осм., ад. *χигта* < перс. *χигтā* «финик».

23. монг.: дэрб.-Кобд., баит., халх.-зап., дэрб.-Астр. *мајі* (темē) < **маја* «верблюдица, легкая на ходу; (дэрб.-Астр.) особая порода одnogорбых верблюдов» || тур.: дж., тркм. *тауа*, *маја* «верблюдица», кпр. *маја* «особая порода одnogорбых верблюдов» < перс. *тауа*, *таба* «самка, самка верблюда». Ввиду наличия соотношения монг. а = перс. а, можно думать, что монголы приняли это слово непосредственно от персов. Что касается дж. и тркм. форм *тауа*, *маја*, то можно сомневаться, так ли следует читать джагатайскую и произносить туркменскую форму? Нельзя ли здесь видеть *тауе* и *маје*? Кпр. *маја*, повидному, монгольское заимствование, каких в киргизском вообще очень много.

24. монг.: дэрб.-Астр., мерēs, мерās, *meres* «сифилис, гнойная рана от венерической болезни» < тур.: кпр. мерез «застарелая болезнь: рана с гноем» < перс. *мараз*, *магад* < араб. *магад* «болезнь» > тур.: осм., крм., тркм., хив. *мараз*, *магад* «болезнь».

25. монг.-письм. *nal* «бледный рубин» < тиб. *nal* < **lal* < перс. *lal* «рубин бледный, лаль» (Laufer, 575). В тибетском *l* чередуется с *n*, напр.

¹ См. Klaproth, Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren, p. 14, sub vocibus

² См. Б. Владимиров, Новые данные о хотонах, Записки, т. XXIII, стр. 266, 271; А. П. Самойлович, Хотонские записки Потанина, *ibid.* 281. Предположение Marquart'a. (См. W. Bang und J. Marquart, Osttürkische Dialektstudien, p. 168; ср. указания В. В. Бартольда в «Русск. Истор. Жур.», т. VII, стр. 152) относительно этого названия отпадает.

³ Мне самому приходилось видеть подобные книги у монгольских лам; например в монастыре захачинов, расположенном в местности Зерген (Кобдоского округа Западной Монголии); подобные сочинения послужили материалом для монгольских исторических сочинений, например для *Bolor tölö*.

nañs (старо-тиб.) = lañs «возвышенный», nob = lob «Лоб-пор»¹. В монг. яз. слово pal употребляется только в специальных сочинениях и в живой речи почти совсем неизвестно.

26. монг.: бант., дэрб.-Кобд. парсу, нар (темё) «одногорбый верблюд, дромадер» || тур.: дж. паг, кпр. нар «одногорбый верблюд» < перс. паг «самец». Слово это в персидском часто употребляется в соединении со словами, обозначающими разных животных в том числе и верблюдов; тоже наблюдается и в других ново-иранских наречиях, например минджани парикъур «верблюд-самец»². В виду того, что слово нар (паг) из турецких диалектов встречается только в джагатайском и киргизском, двух наречиях, достаточно заимствовавших с монгольского, и в виду того, что а в дж. и кпр. паг, нар противоречат другим примерам, из которых видно, что в персидских заимствованных дж. и кпр. е = перс. а ~ ä, можно думать, что монголы заимствовали рассматриваемое слово от иранцев, с персидского непосредственно и в свою очередь передали его дж. и кпр. Следует отметить, что в бантском и дэрбэтно-кобдском диалектах слова нар, парсу употребляются редко, они считаются словами старинными, приличествующими важной речи, поэтому встречаются они, главным образом, в поэзии, в героических эпосах, в пословицах, реже в сказках³. Форма парсу < * парсуи < нар + суф. -суи, суф. возникший по аналогии, или благодаря народно-этимологическому сопоставлению со словом парсу < parasu)ñ «сосна» (|| каз. парат).

27. монг.: бант., дэрб.-Кобд. пасва̄, халх.-зап. пасва̄, торг.-Алт. пасма < * пасбаи «нюхательный табак» || тур.: кпр. пасыбаи, бар. пазалай < перс. nāz-būi (средн.-перс. nāz-bō) «имеющий приятный запах: *Ocimum basilicum*»⁴.

28. монг.-инсэм. nököṛ, nöküṛ, бант., дэрб.-Кобд. nökr, халх.-зап. nö'хөр, халх.-Ург. нүхүр «друг, приятель, товарищ, спутник, слуга, муж, супруг» || тур.: дж. nöker «товарищ, слуга, солдат, чиновник», тел., леб. nökör «товарищ» < перс. naukaṭ, nökaṭ «слуга, прислужник». Повидимому, монгольская форма nököṛ была заимствована независимо от турецкой, непосредственно с персидского. В монгольской форме мы не имеем ожидаемого а во втором слоге, соответствующего перс. а, потому что перс. au ~ ö было воспринято монголами, как ö: поэтому в виду гармонии гласных и лабиализации, свойственных монгольскому языку, и во втором слоге полу-

¹ См. Rev. A. H. Francke, Notes on Sir Aurel Stein's collection of tibetain documents from Chinese Turkestan, J. R. A. S., 1914, p. 45 (статья эта повторена в Serindia Sir A. Stein'a).

² См. R. Gauthiot, Quelques observations sur le mindjāni, M. S. L., XIX, p. 25 — 26.

³ В обыденной жизни монголу часто этого слова употреблять не приходится и потому, что одногорбых верблюдов, как известно, в Монголии нет.

⁴ См. Laufer, 590 (монг. и турк. формы не указаны).

чилось ö. Замечательно, что и афганские моголы воспринимают перс. au, как ö (öŷ), например: могол. нöŷ < перс. наи «новый», могол. тöŷ «кривой?, перевернутый?» < перс. V tar (перс. taftan), могол. цilöŷ «ральше, прежний» < перс. jilau. Тел., леб. пöкөр, очевидно, монгольское заимствование, которых так много в этих наречиях. Что касается дж. пöкер, то форма эта — «правильное» заимствование с персидского, независимо от монгольского: перс. а = тур. е, что косвенным образом подтверждает предположение о том, что наукаг ~ пöкаг персидское слово, а не заимствованное из монгольского, как это считали раньше. Форма же пöкер, приводимая Арабом-Филологом, очевидно турецкого происхождения¹.

29. монг.-писм. ürgüs saġa «весенний месяц, месяц обновления природы», дэрб.-Астр., торг.-Астр. үрүс сарġ «весенний месяц, в котором празднуется рождение Будды Шакьямуни» < перс. рүз, гүз «день»; ср. кир. наурус «первый день нового года (в марте месяце)» < перс. наигүз «новый год, совпадающий с весенним равноденствием». В. В. Бартольд приводит² стихи поэта конца XII в., Али-Шатрандж: «Радостную весть о наурузе всегда приносит нам алст». Что, касается монг. форм ürgüs, үрүс < перс. гүз ~ рүз, то, очевидно, возникли они благодаря тому, что монголы не терпят г ~ р в начале слова.

30. монг.-писм. saġari, байт., дэрб.-Кобд., халх. сарġ «особым образом выделанная кожа» < тиб. sag-ri, sags-ri < перс. sagri «пагрень» (Laufer, 575). В. Laufer напрасно только считает и монг. sarisu > байт. сар'сн, халх. сар'с «замша, род особым образом выделанной кожи» того же происхождения, что и монг. saġari; sarisu и Saġari этимологически два совершенно различных слова.

31. монг.-писм. šabtul «персик» < перс. šaftālū. Слово это, не отмечаемое нашими словарями монгольского языка, встречается в некоторых текстах, например в монгольской версии известного романа «Сн-ю-цзи»³, где šabtul чередуется со словом toγor (с китайского); возможно, что šabtul с соответствующими фонетическими изменениями будет обнаружено в какомнибудь монгольском наречии; в монгольской письменности возможна еще форма *šibtul, в которой i появляется в виду палатализирующего влияния š.

32. монг.-писм. šalbur, дэрб.-Астр. шалwүр, байт., дэрб.-Кобд.,

¹ Ср. противоположное мнение, высказанное как по отношению монгольской, так и турецкой формы П. М. Мелиоранским; Араб-Филолог о монг. из., «Записки», XV, стр. 152, 171. Ср. Нобсон-Jobson, п. е. 1903, р. 628—629.

² См. В. В. Бартольд, Из средневековой туркестанской поэзии, Наука и Просвещение. Ежемесяч Журн. Нар. Ком. Прос. Турк. респ., Ташкент, 1922, № 1, стр. 19.

³ Монг. перевод-переложение был сделан в конце XVII века.

шалwур, шалwър || тур.: кыр. шалбар, алт., тел. шалбыр¹ «шаровары, штаны, особые штаны у борцов» < перс. šalbār «шаровары».

33. монг.-писм. šiker, šikir, бант., дэрб.-Кобд., дэрб.-Астр. шикір, шик'р, халх. ч'ихёр, халх., бур. шихір < тур.: осм., ком., бар. šeker, шекер, тоб., каз. шікер, тел. шікір < перс. šakar (Laufer, 576) «сахар».

34. монг.-писм. šinġir, халх., дэрб.-Кобд., бант. шинġір || тур.: кыр. шипжір, каз. шьпчыр, осм. зенġір, зінġір, вост.-туркест., тар. зенġір < перс. zinġir, zanġir «catena, цепь, цепочка».

35. монг.-писм. šitaran, šitara, бант., дэрб.-Кобд. дэрб.-Астр., торг.-Алт. шатр, халх. шат'ар, халх.-зап. шиг'ыр, шат'ар, хиг'ар < перс. šatrang < скр. śaturaṅga «шахматы» (Laufer, 576; надо отметить, что В. Laufer приводит, как исходную персидскую форму šataraṅj — форму арабизованную, не отмечает санскритского прототипа и не приводит более древней монг. формы šitaran). На монгольской почве і в первом слове вместо соответствующего перс. а появилось под влиянием предшествующего š, также как и в форме šiker < перс. šakar.

36. монг.-писм. tarbus, дэрб.-Астр. тарбс^а || тур.: вост.-туркест. тарбуз, карпуз, уйг. qaruz, осм. крм. qaruz «арбуз» < перс. ħarbiz (средн.-перс. ħarbūzak) (Laufer, 443 — 444, транскрипция не точна). В монг.-писм. слово tarbus встречается редко. Определить, каким образом это персидское слово попало к монголам, пока не представляется возможным.

37. монг.: ойр.-писм. terze, бант., дэрб.-Кобд., дэрб.-Астр., торг.-Астр. терзё «окно, окошко», зах. терзё «промежуток между жердями крыши в юрте» || тур.: каз., тоб., бар. терезе, кыр. тәрезе, чулым. терече «окно» < перс. darīša «окно, оконце» (указанием этой персидской формы я обязан В. В. Бартольд); по всей вероятности начальное t в турк. и монг. формах появилось на турецкой почве, почему можно думать, что монг. форма заимствована через турецкое посредство; тем не менее следует отметить таджик.-Бухар., таджик.-Самарк. «térédja» «окно», как это показал уже Grénard²; только F. Grénard, по видимому слово это считает независимым от перс. darīša, потому что он говорит о «térédja», как о слове «inconu dans le persan classique».

38. монг.-писм. ters, халх., бур. терс, бант. терс «еретик, последователь не буддийских учений Индия, брахманист, индуст» < перс. tarsā (средне-перс. tarsāg, согд.-христ. trs'k) «христианин»; китайская транскрип-

¹ Можно думать, что эти турецкие формы — монгольские заимствования: монг. а — перс. а.

² См. Grénard, Le Turkestan et le Tibet (Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie, 1890 — 1895, II partie, p 462).

ция это о слова: 達 娑 да-со < *дар-са (см. Laufer, 593). Монг. *ters* «еретик» должно отличать от монг. *ters* = уйг. *ters* «противоположная сторона», ср. монг.-писм. *tertege* «на ту сторону», балт. *тертѣгүр* < **ter-tege-gür* «по той стороне».

39. монг.-писм. *toγus* (в старой монг. письменности *taγus*), балт., дэрб.-Кобд., дэрб.-Астр. *тобѡс*, халх. *т'овѡс* || тур.: осм. *ṭawus*, *ṭawus*, крм., босн. *taus*, таус, тоб. *тауыс* < перс. *ṭāus* «павлин», быть может, < арамейск. *ṭawus* > греч. *ταῶς*, > лат. **tavon* > *ravo*¹ (ср. Laufer, 575; надо только отметить, что В. Laufer совершенно неправильно указывает монгольскую форму «*tös*», говоря, что формы «*tagus*, *togos*» пишутся так для обозначения долготы гласного; форма «*tös*» неизвестна ни в одном монгольском наречии, ни в одной монгольской рукописи). Пока представляется невозможным решить, получили-ли монголы слово *taγus* ~ *toγus* прямо от персов, или через турецкое, или иное посредство.

40. монг.-писм. *toχum* ~ *toquм*, халх.-зап. *т'охѡм*, балт., дэрб.-Кобд., дэрб.-Астр. *тохм* «род, происхождение, порода» || тур.: осм., *toχum* «семя, зерно», вост.-туркст. *тохум* «семя, зерно», кир. *токум* «род, семя, вид, зерно» < перс. *toχm* «зерно»². Повидимому кир. *токум* является монгольским заимствованием.

41. монг.-писм. *toti*, балт., дэрб.-Кобд. *тотї*, халх.. *т'от'ї*, торг.-Алт., урянх.-Алт. *тѡтї* || тур.: вост.-турк. *toti*, кир. *тогу*, каз. *туты* «попугай» < перс. *toti*, *tūtī* (Laufer, 575; не указывая своего источника, В. Laufer приводит уйгурскую форму *toti*; трудно себе представить, каким образом в уйгурской письменности может быть обозначено долгое *i* (*ī*), очевидно какое-то недоразумение). Хотя в Монголии, как известно, нет ни павлинов, ни попугаев, тем не менее птицы эти хорошо известны монголам и слова *toγus* и *toti* очень часто встречаются, как в литературе (письменной и устной), так и в живой речи. Произошло это благодаря влиянию буддийской литературы, главным образом повествовательной, индийского происхождения. Затем монголы хорошо знакомы с павлиньими перьями, служащими украшением шляп — знаком отличия князей и чиновников.

42. монг.-писм. *turma* «род репы» < перс. *turma* «род репы» (Laufer, 574). Слово это в монгольском встречается очень редко.

43. монг.-писм. *zira* < тиб. *zi-ra* < перс. *zīra* «тмин» (Laufer, 383, 576). Слово это в монгольской письменности известно только по специальным сочинениям; в конце концов монг. *zira* нечто иное, как транскрипция тибетского слова.

¹ См. J. Halévy, *Le nom de paon*, J. A., 1913, p. 710 — 712

² Ср. Ramstedt, *Mogholica*, p. 40.

44. монг.: дэрб.-Астр. чапан «кафтан» < перс. čafān¹.

В работе В. Laufer'a (Sino-Iranica) приводится еще несколько монгольских слов, на которых следует остановиться. Прежде всего представляется чрезвычайно сомнительным, чтобы монгольское *jegegen* (> халх. зёр, зёрёң, балт. зёрү) «антилопа» < перс. *jigān*². Действительно, каким образом можно объяснить монг. *e* < перс. *ā*? Затем довольно трудно допустить, чтобы степняки-кочевники взяли чужое слово для обозначения животного, водящегося в изобилии в их собственной стране.

Что касается монг. «*böriyā*»³, то нужно заметить, что слово это приведено не совсем точно; «труба» по монгольски *büriye* > баит., дэрб.-Кобд., дэрб.-Астр. бұр'ā, халх. бұр'ё; по всем данным, монг. *büriye* = уйг. *bürgü*. Относительно «*ха-si-ni*»⁴ < перс. *kasnī*, *gisnī* «*asafoetida*» нельзя сказать ничего особого; очень возможно, что в Юаньскую эпоху слово это действительно употреблялось в монгольском, как это устанавливает В. Laufer на основании одного китайского текста.

Остается монг. «*kübeñ*» или «*kübün*»⁵ «хлопчатая бумага, вата». Прежде всего монгольская форма (письменного языка) должна быть представлена в виде *köbüng* или *köbeng*⁶ > баит., дэрб.-Кобд. көвүнц, халх. хуwуц. Затем совершенно невозможно понять, каким образом монг. *köbüng* может восходить к перс. *kiṣrās* или вахй *kubas*, как это считает В. Laufer. Лингвистически это совершенно недоказуемо и потому монг. *köbüng* невозможно возводить к *kubas*, «*which, save the final s, agrees with the Mongol form*»⁷, с чем, конечно, тоже нельзя согласиться.

Наконец В. Laufer совершенно прав, считая, в противоположность мнению Е. Blochet, что монг. *buγda* совсем не персидское заимствование: перс. «*bokhta*»⁸. Монг. *buγda*, конечно, не имеет ничего общего и с тур. *buγdai*, как думал В. В. Радлов и, повидному, F. W. K. Müller (см. его *Zwei Pfalinschriften aus den Turfanfunden*, A. K. P. A., 1915, p. 33); тур. *buγdai* = монг. *buγudai*, на что давно было указано Березиным (см. его «История Чингис-хана», стр. 160).

Монг. *nišan* (и быть может *badman*), а также *subuγan* были уже

¹ Ср. Ramstedt, *Mogholica*, p. 25.

² Laufer, 575, № 18.

³ Laufer, 575, № 17.

⁴ Laufer, 575, № 10; 361.

⁵ Laufer, 574, № 7.

⁶ Эти параллельные формы являются в монгольской письменности благодаря тому, что в монгольской речи с давних пор гласные неударных слогов, исторически недолгие, произносятся, как редуцированные.

⁷ Laufer, 574.

⁸ Laufer, 576.

раньше разъяснены F. W. K. Müller'ом⁵ и R. Gauthiot⁶: nišan (и быть может badman) < средн.-перс. через уйгурское посредство, subuḡan < уйг. suruḡan < пран. spuḡ-ḡān.

Заканчивая свою статью, считаю долгом отметить, что Ф. А. Розенберг не только помогал мне своими советами и дружеской критикой, но и предоставил в мое распоряжение свои еще не напечатанные согдийские материалы.

Б. Владимирцов.

⁵ S. K. P. A. W., 1909, XXXII, p. 847 – 848, ср. Владимирцов, Тур. элементы в монг. яз., Записки, т. XX, стр. 161.

⁶ Chavannes et Pelliot, Traité manichéen, p. 47, ср. Laufer, 573, № 3.